

ЛИЗА КЛЕЙПАС

Мой дьявол-хранитель

ШАРМ

Желтофиоли

Лиза Клейпас

Мой дьявол-хранитель

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Клейпас Л.

Мой дьявол-хранитель / Л. Клейпас — «Издательство АСТ»,
2006 — (Желтофиоли)

ISBN 978-5-17-134334-7

Скромная дебютантка Эванджелина Дженнер сама предложила руку и огромное состояние циничному ловеласу Себастьяну, виконту Сент-Винсенту. Но на своих условиях: отношения между ними не должны выходить за рамки дружеских, а супружеский долг Эванджелины готова исполнить лишь раз – в первую брачную ночь. Поначалу Себастьян принимает эти условия не без удовольствия, ведь формальный брак – именно то, о чем он мечтает. Однако первая же ночь с прелестной юной женой зажигает в его сердце пожар подлинной страсти, и перед знаменитым покорителем сердец встает нелегкая задача – соблазнить собственную супругу...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-134334-7

© Клейпас Л., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лиза Клейпас

Мой дьявол-хранитель

© Lisa Kleypas, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Глава 1

Глядя на молодую особу, явившуюся в его лондонскую резиденцию, Себастьян, виконт Сент-Винсент, вдруг подумал, что, пожалуй, он ошибся с выбором наследницы, которую пытался похитить на прошлой неделе в Стоуни-Кросс-парке.

И хотя до недавних пор похищения не значились в длинном списке его прегрешений, ему следовало быть умнее.

Оглядываясь назад, он понимал, что сделал неудачный выбор, но в тот момент Лилиан Боумен казалась ему идеальным решением его проблем. Лилиан происходила из богатой семьи, тогда как Себастьян, хоть и обладал титулом, испытывал финансовые затруднения. К тому же ее смуглая красота и бешеный темперамент сулили немало радостей в постели. И все же ему следовало выбрать куда менее энергичную жертву. Очаровательная наследница из Америки так отчаянно сопротивлялась, что в конечном итоге была спасена своим женихом, лордом Уэст-клиффом.

Робкое создание, стоявшее сейчас перед ним, отличалось от Лилиан Боумен как небо от земли. Созерцая свою гостью с легким презрением, Себастьян перебирал в уме то небольшое, что слышал об Эванджелине Дженнер. Она была единственной дочерью Айво Дженнера, владельца известного лондонского игорного клуба, и женщины из общества, которая имела несчастье сбежать с ним – лишь для того, чтобы вскоре осознать свою ошибку. Хотя мать Эванджелины происходила из приличной семьи, отец ее был немногим лучше подзаборного бродяги. Несмотря на столь незавидную родословную, Эванджелина могла бы сделать вполне приличную партию, если бы не болезненная застенчивость, заставлявшая ее мучительно заикаться.

Приятели Себастьяна мрачно шутили, что скорее согласились бы носить власяницу, чем вести беседы с Эванджелиной Дженнер. Естественно, Себастьян старался избегать ее по мере возможности. Впрочем, это не представляло труда. Робкая мисс Дженнер предпочитала прятаться по углам. За все время они не обменялись и словом – надо полагать, к обоюдному удовольствию.

Однако теперь он попался. По какой-то неведомой причине мисс Дженнер явилась в его дом без приглашения, причем в скандально поздний час. И, что делало ситуацию еще более пикантной, явилась без сопровождения – а ведь одной минуты наедине с ним вполне достаточно, чтобы погубить репутацию любой девушки. Себастьян вел непутевый образ жизни и гордился этим, упиваясь славой бессовестного соблазнителя, придававшей ему особый шарм в глазах молодых повес.

Откинувшись в кресле, он с обманчивой праздностью наблюдал за незваной гостьей, которая неуверенно проследовала в комнату и остановилась. В библиотеке царил полумрак, лишь язычки пламени, игравшие в камине, бросали слабые отблески на лицо девушки. На вид ей было не больше двадцати; свежий цвет ее лица и невинный взгляд вызвали у Себастьяна привычное раздражение. Его никогда не привлекала и не умиляла невинность.

Хотя долг джентльмена требовал, чтобы он поднялся со стула, Себастьян, учитывая все обстоятельства, не счел нужным рассыпаться в любезностях. Вместо этого он небрежно указал на кресло, стоявшее у камина.

– Можете присесть, если пожелаете, – сказал он. – Хотя на вашем месте я не стал бы задерживаться здесь надолго. Я ненавижу скуку, а вас едва ли можно назвать занимательной собеседницей.

Эванджелина даже не поморщилась от такой грубости, и Себастьян не мог не задаться вопросом, что за воспитание сделало ее столь невосприимчивой к хамству, от которого любая другая девица залилась бы краской или ударилась в слезы. Либо она на редкость тупа, либо обладает исключительной выдержкой.

Эванджелина сняла плащ, перебросила его через подлокотник обтянутого бархатом кресла и села, примостившись на краешке сиденья. Наблюдая за ее движениями, лишенными всякого кокетства, Себастьян вспомнил, что она водила дружбу не только с Лилиан Боумен, но и с ее младшей сестрой Дейзи, а также с Аннабеллой Хант. Все они не пользовались успехом у противоположного пола и, видимо, по этой причине сбились в стайку, подпиравшую стенку на бесчисленных балах и вечеринках весь прошлый сезон. Однако удача, похоже, повернулась к ним лицом: Аннабелле наконец-то удалось заполучить мужа, а Лилиан вот-вот должна была обвенчаться с лордом Уэстклиффом. Впрочем, вряд ли их везение распространится на это запуганное создание.

Он подавил искушение поинтересоваться целью ее визита, опасаясь, что это вызовет поток косноязычных объяснений, мучительных для них обоих, и терпеливо ждал, пока Эванджелина Дженнер соберется с мыслями. Молчание затянулось, и Себастьян с некоторым удивлением осознал, что девушка недурна собой. Поскольку он избегал смотреть на нее в упор, в его памяти сложился образ растрепанной особы с рыжими волосами и плохой осанкой. Однако при ближайшем рассмотрении она оказалась очень хорошенькой.

Себастьян вдруг ощутил легкое напряжение мышц и холодок, заставивший приподняться крохотные волоски на затылке. Несмотря на расслабленную позу, кончики его пальцев впились в мягкие подлокотники кресла. Странно, он никогда не замечал того, что явно заслуживало внимания. В свете пламени ее рыжие волосы – самого восхитительного оттенка, какой ему приходилось видеть, – казалось, излучали жар. У нее были изящные дуги бровей, густые ресницы, чуть более темные, чем волосы, и нежный цвет лица, какой бывает только у рыжих: белоснежный, с легкой россыпью веснушек. Себастьяна позабавили эти золотистые крапинки, усеявшие ее нос и щеки, словно по капризу доброй феи. Картину довершали пухлые розовые губки и большие голубые глаза... прелестные, но лишенные всяких эмоций, как у куклы.

– Я п-получила известие, что моя подруга, мисс Боумен, сочеталась браком с лордом Уэстклиффом, – осторожно заметила Эванджелина. – Они с графом отправились в Гретна-Грин после того, как он... объяснился с вами.

– Точнее сказать, отделал меня до полусмерти, – любезно отозвался Себастьян, понимая, что она не могла не заметить синяков и ссадин, украсивших его челюсть после того, как Уэстклифф выместил на нем свое праведное негодование. – Похоже, ему не понравилось, что я одолжил его невесту.

– Вы п-похитили ее, – спокойно возразила Эванджелина. – «Одолжил» предполагает, что вы собирались вернуть ее назад.

Губы Себастьяна изогнулись в искренней улыбке – первой за долгое время. Не такая уж она дурочка, как ему казалось.

– Пусть так, если вы предпочитаете называть вещи своими именами. Вы за этим пришли, мисс Дженнер? Сообщить мне о счастливой паре? Напрасно. Мне надоела эта тема. Если я не услышу ничего более интересного в ближайшее время, боюсь, вам придется уйти.

– Вы в-выбрали мисс Боумен, потому что она богатая наследница, – сказала Эванджелина. – Насколько я понимаю, вам необходимо жениться на ком-то с деньгами.

– Верно, – с легкостью признал Себастьян. – Моему отцу не удалось выполнить свою единственную обязанность сохранить в целостности семейное состояние, чтобы передать его мне вместе с герцогским титулом. А моя главная обязанность – празднично проводить время, ожидая его смерти. Я честно выполнил свою часть сделки – в отличие от герцога. Он не справился с управлением семейными финансами, в настоящий момент непростительно беден и, что еще хуже, здоров.

– Мой отец богат, – сообщила Эванджелина без всякого выражения. – И он умирает.

– Примите мои поздравления, – отозвался Себастьян, устремив на нее пристальный взгляд. Он не сомневался, что Айво Дженнер обладает внушительным состоянием. Его игор-

ный клуб был популярен среди лондонских джентльменов благодаря хорошей еде, крепкой выпивке и недорогим шляхам. Лет двадцать назад заведение Дженнера служило второразрядной альтернативой легендарному клубу Крейвена, самому великолепному и успешному предприятию такого сорта, когда-либо существовавшему в Англии.

Однако когда клуб Крейвена сгорел дотла, а его владелец не пожелал начинать все заново, Дженнер унаследовал богатых клиентов своего предшественника и сумел занять освободившуюся нишу. Не то чтобы он мог сравниться с Крейвеном. Клуб Дженнера являлся отражением характера и стиля своего хозяина, бывшего боксера, невежественного и грубоватого. Если Дерек Крейвен был, по общему признанию, незаурядной личностью и блестящим администратором, Айво Дженнер никогда не отличался талантами и лишь благодаря причуде судьбы стал успешным бизнесменом.

И вот теперь его единственная дочь сидит перед ним. И если она собирается сделать ему предложение – Себастьян догадывался, какое именно, – он не может позволить себе отказаться.

– Я не нуждаюсь в ваших поздравлениях, – уронила Эванджелина в ответ на его реплику.

– Что же в таком случае вам нужно, милочка? – вкрадчиво осведомился он. – Я буду очень признателен, если вы перестанете ходить вокруг да около. Это становится утомительным.

– Я хочу провести с отцом остаток его д-дней. Родственники моей матери всячески препятствуют нашим встречам. Я пыталась сбежать к нему, но они неизменно ловят меня и подвергают наказаниям. Как бы то ни было, я больше не вернусь к ним. У них есть планы относительно меня, которые я твердо намерена разрушить – пусть даже ценой собственной жизни.

– И каковы же эти планы? – лениво поинтересовался Себастьян.

– Они пытаются принудить меня к браку с одним из моих кузенов, с мистером Юстасом Стаббинзом. Он не испытывает ко мне никаких чувств, как и я к нему, но он охотно согласится сыграть роль пешки в семейной игре.

– Где ставкой является состояние вашего отца, которое вы унаследуете после его смерти?

– Да. Вначале я готова была смириться с этой идеей, полагая, что у нас с мистером Стаббинзом будет собственный дом... и жизнь станет не такой невыносимой, если мы будем жить отдельно от родни. Но мистер Стаббинз заявил, что не имеет ни малейшего желания куда-либо переезжать. Он намерен остаться под семейной крышей... а я не уверена, что смогу жить там и дальше. – Не дождавшись никакой реакции, кроме равнодушного молчания, Эванджелина тихо добавила: – Мне кажется, они собираются убить меня, после того как завладеют папиными деньгами.

Себастьян не сводил глаз с ее лица, хотя его тон оставался небрежным.

– Как нехорошо с их стороны. Но при чем здесь я?

Эванджелина не клонула на подначку, одарив его твердым взглядом, свидетельствовавшим о внутренней силе, которой Себастьян никогда прежде не встречал у женщин.

– Я предлагаю вам жениться на мне, – заявила она. – Мне нужна защита. Отец слишком болен, чтобы помочь мне, и я не хочу быть обузой для своих друзей. Думаю, они предложили бы мне поддержку, но даже в этом случае мне пришлось бы постоянно быть настороже, опасаясь, что меня выкрадут родственники и заставят подчиниться их воле. У незамужней женщины нет никаких прав, ни общественных, ни законных. Это несправедливо... но что толку сетовать. Мне нужен муж. Вам нужна богатая жена. Мы оба в одинаково отчаянном положении. Это позволяет мне думать, что вы согласитесь с моим п-предложением. Если я права, мы могли бы отправиться в Гретна-Грин сегодня же вечером. Мои родственники наверняка уже ищут меня.

Повисло тягостное молчание. Себастьян размышлял, не сводя с Эванджелины настороженного взгляда. Он не доверял ей. После неудачной попытки похищения, предпринятой им на прошлой неделе, он не испытывал особого желания повторить этот опыт.

И все же в ее словах был смысл. Себастьян действительно пребывал в отчаянии. Полчища кредиторов могли засвидетельствовать, что он имеет пристрастие к модной одежде, изыскан-

ной еде и прочим радостям жизни. Жалкое содержание, которое он ежемесячно получал от герцога, должно было в ближайшее время прекратиться, а у него не было денег даже для того, чтобы расплатиться по счетам за прошлый месяц. Для человека, который привык брать все, что идет в руки, не терзаясь угрызениями совести, предложение Эванджелины было воистину Божьим даром. При условии, что она намерена претворить его в жизнь.

– Не хотелось бы показаться чересчур меркантильным, – небрежно произнес он, – но насколько ваш отец близок к смерти? Некоторые чудаки годами лежат на смертном одре. Помоему, нет ничего хуже, чем заставлять людей ждать.

– Вам не придется долго ждать, – последовал резкий ответ. – Мне сказали, что он проживет не более двух недель.

– А каковы гарантии того, что вы не передумаете, прежде чем мы доберемся до Гретна-Грин? Вам известно, что я за человек, мисс Дженнер. Думаю, нет нужды напоминать, что я – не далее как на прошлой неделе – чуть не похитил и не изнасиловал одну из ваших подруг.

Эванджелина молча уставилась на него. В отличие от его глаз, которые были светло-голубыми, ее глаза имели насыщенный сапфировый оттенок.

– Вы пытались изнасиловать Лилиан? – осведомилась она натянутым тоном.

– Я пригрозил ей этим.

– И вы осуществили бы свою угрозу?

– Не знаю. Мне не приходилось делать этого прежде, но, как вы справедливо заметили, я попал в отчаянное положение. Кстати, раз мы уж затронули эту тему... вы предлагаете брак по расчету или готовы разделить со мной супружеское ложе?

Эванджелина пропустила вопрос мимо ушей, настойчиво повторив:

– Вы стали бы принуждать ее силой?

Себастьян иронически улыбнулся:

– Если я отвечу отрицательно, мисс Дженнер, как вы узнаете, что я не солгал? Впрочем, если вы настаиваете... Нет. Я не стал бы насиловать ее. Надеюсь, теперь вам спокойнее. Что же касается моего вопроса...

– Я лягу с вами в постель. Один раз, – сказала она, – чтобы узаконить брак. И больше никогда.

– Чудно, – проворковал он. – Я редко ложусь в постель с одной и той же женщиной более одного раза. Чертовски скучное занятие после того, как проходит новизна ощущений. К тому же я не настолько вульгарен, чтобы вождель собственную жену, особенно если у меня хватит средств содержать любовниц. Конечно, остается вопрос о наследнике... но, если вы будете соблюдать осмотрительность, я не стану интересоваться, чьих детей вы вынашиваете.

Эванджелина даже глазом не моргнула.

– Я хотела бы, чтобы часть наследства была переведена в трастовый фонд на мое имя. И чтобы я могла расходовать проценты по своему усмотрению, не отчитываясь перед вами за свои траты.

Себастьян в очередной раз убедился, что девушка совсем не глупа, хотя заикание заставляло многих думать иначе. Привыкнув к тому, что ее не понимают, недооценивают и не замечают, она, похоже, научилась использовать этот факт к собственной выгоде. Себастьян насторожился.

– С моей стороны было бы глупо довериться вам, заявил он. – Что мешает вам нарушить наш уговор в любой момент? А вы поступите еще глупее, доверившись мне. Когда мы поженимся, я могу доставить вам такие неприятности, о которых ваши предприимчивые родственники даже не мечтали.

– Я предпочла бы терпеть их от того, кого сама выберу, – мрачно отозвалась Эванджелина. – Лучше вы, чем Юстас.

Себастьян ухмыльнулся:

– Вряд ли это можно считать комплиментом Юстасу.

Она не ответила на его улыбку, лишь немного расслабилась в кресле, глядя на него с угрюмым смирением. Их взгляды скрестились, и Себастьяна внезапно пронзила дрожь с головы до кончиков ног.

В том, что он легко возбуждается, не было ничего нового. Себастьян давно понял, что у него сильно развито мужское начало и некоторые женщины способны вызвать в нем чувственный отклик поразительной силы. По какой-то неведомой причине эта стеснительная заикающаяся особа оказалась одной из них.

Волнующие образы заполнили его сознание... Ему хотелось вдохнуть ее запах, дотронуться кончиками пальцев до нежной кожи, ощутить щекочущее прикосновение ее распущенных волос к своей обнаженной груди. Ему хотелось делать немыслимые вещи с ее губами и собственным ртом.

– Значит, решено, – вымолвил он. – Я принимаю ваше предложение. Разумеется, многое еще нужно обсудить, но у нас в запасе два дня, пока мы будем добираться до Гретна-Грин. – Себастьян поднялся со своего кресла и потянулся, с едва заметной улыбкой отметив, как ее взгляд скользнул по его телу. – Я распоряжусь, чтобы подготовили карету, и велю камердинеру упаковать мои вещи. Думаю, это займет не больше часа. Кстати, если вам взбредет в голову отказаться от нашей сделки после того, как мы двинемся в путь, я вас придушу.

Она одарила его ироничным взглядом:

– Вы бы т-так не нервничали, если бы не пытались увлечь по этому маршруту возражающую жертву на п-прошлой неделе.

– Туше. В таком случае могу я считать вас невозражающей жертвой?

– Более того, страстно желающей, – ответила Эванджелина с таким видом, словно ей не терпится пуститься в путь.

– Что ж, мне это нравится, – заметил Себастьян, отвесив галантный поклон, прежде чем выйти из библиотеки.

Глава 2

Оставшись одна, Эви закрыла глаза и судорожно вздохнула. Сент-Винсент напрасно волнуется, что она передумает. Теперь, когда сделка заключена, ей в тысячу раз сильнее, чем ему, хотелось поскорее попасть в Гретна-Грин. При одной мысли, что в этот самый момент дядя Брук и дядя Перегрин ищут ее по всему Лондону, она содрогнулась от ужаса.

В конце лета, когда она сбежала из дома, они перехватили ее у входа в клуб отца. К тому времени, когда карета дяди Перегринна доставила ее домой, ее разбитые губы кровоточили, один глаз заплыл, спина и руки были покрыты синяками. Две последующие недели она провела взаперти в своей комнате на хлебе и воде.

Никто, даже ее подруги Аннабелла, Лилиан и Дейзи, не знал до конца, что ей пришлось вынести. Жизнь в доме Мейбриков была сущим кошмаром. Мейбрики, родня ее матери, и Стаббинзы – сестра ее матери Флоренс с мужем Перегрином – объединили свои усилия, желая сломить ее волю. Соппротивление, с которым им пришлось столкнуться, приводило их в ярость и замешательство. Эви и сама не ожидала, что сможет вынести жестокое обращение, безразличие и даже ненависть, не сломавшись. Возможно, в ней было больше от отца, чем всем казалось. Айво Дженнер был боксером, который дрался голыми кулаками, и секрет его успеха – на ринге и за его пределами – заключался не в таланте, а в стойкости и упрямстве. Должно быть, она унаследовала эти качества.

Эви хотела увидеть отца. Хотела так сильно, что это причиняло ей почти физическую боль. Он был единственным человеком на свете, которого интересовала ее судьба. Возможно, он не баловал ее своим вниманием, но она знала, что он испытывает к ней больше чувств, чем кто-либо другой. Она понимала, почему он перепоручил ее заботам Мейбриков вскоре после смерти матери. Игорный клуб был не тем местом, где можно растить ребенка. А Мейбрики, хоть и не обладали титулом, относились к благородному сословию. Тем не менее Эви не могла не задаваться вопросами... Если бы отец знал, как с ней обращаются, поступил бы он так же? Если бы он мог представить себе, что гнев семьи, вызванный мятежным поступком ее матери, выплеснется на беззащитного ребенка... Впрочем, что толку размышлять об этом теперь.

Ее мать умерла, отец болен, и есть вопросы, которые она хотела бы задать ему, прежде чем они расстанутся навеки. Ее единственный шанс вырваться из когтей Мейбриков – это довериться надменному аристократу, за которого она только что согласилась выйти замуж.

Эви поражалась, что ей удалось так легко объясниться с Сент-Винсентом, который подавлял ее своим изысканным видом. Высокий, с золотистыми волосами, льдисто-голубыми глазами и чувственным ртом, он был похож на падшего ангела, наделенного всеми атрибутами мужской красоты, которые Люцифер мог изобрести на погибель женщинам. К тому же он слыл беспринципным эгоистом, что и подтвердил, попытавшись похитить невесту своего лучшего друга. Впрочем, решила, Эви, именно такой человек способен дать отпор ее родственникам.

Можно не сомневаться, что из него получится ужасный муж. К счастью, она не питает иллюзий по этому поводу. И поскольку она не испытывает к нему никаких чувств, ей будет нетрудно закрыть глаза на его неблагоприятные поступки и пропускать мимо ушей его оскорбления.

Как все это отличается от замужества ее подруг! При мысли о них Эви чуть не расплакалась. Вряд ли они останутся друзьями после того, как она выйдет замуж. Сморгнув непрошенные слезы, она проглотила ком в горле. Что толку плакать? Может, брак с Сент-Винсентом не идеальный выход из положения, но это лучшее, что она могла придумать.

Вообразив бешенство теток и дядюшек, когда они узнают, что она – и ее состояние – уплыла из их рук, Эви почувствовала некоторое облегчение. Все, что угодно, лишь бы избавиться от их власти. И конечно, избежать брака с этим трусливым ничтожеством Юстасом,

который настолько погряз в обжорстве и пьянстве, что скоро перестанет пролезать в дверь. Хотя он и ненавидит собственных родителей, он никогда не осмелится пойти против них.

Забавно, но именно Юстас в конечном итоге вынудил Эви бежать из дома, явившись к ней с обручальным кольцом.

– Вот, – произнес он со сконфуженным видом, протянув ей золотой ободок с нефритом, – матушка велела вручить тебе. Имей в виду, ты останешься без обеда, если не наденешь его сегодня вечером. А еще она сказала, что на следующей неделе объявит о нашей помолвке.

Нельзя сказать, что это явилось для Эви полной неожиданностью. После трех сезонов безуспешных попыток найти ей титулованного мужа родственники пришли к выводу, что ее брак не сулит им никакой выгоды. И, учитывая, что она скоро станет богатой наследницей, решили завладеть ее деньгами, выдав ее замуж за одного из кузенов.

Слова Юстаса вызвали у Эви вспышку такой ярости, что она залилась краской, развеселив Юстаса.

– Ну и видок у тебя, когда ты краснеешь, – рассмеялся он. – Как у перезрелого помидора.

Проглотив ядовитый ответ, Эви постаралась успокоиться. Мысли кружились у нее в голове, как листья, подхваченные шквальным ветром. Тщательно подбирая слова, она умудрилась сказать, почти не заикаясь:

– Кузен Юстас... если я соглашусь выйти за тебя замуж... могу ли я рассчитывать на твою поддержку? Позволишь ли ты мне видаться с отцом и заботиться о нем?

Ухмылка мигом исчезла с лица Юстаса, пухлые щеки обвисли. Он отвел взгляд и уклончиво ответил:

– Никто не стал бы давить на тебя, кузина, не будь ты такой упрямницей.

Эви, терпение которой было на пределе, начала заикаться.

– Т-ты возьмешь мои деньги и н-ничего не дашь взамен...

– А зачем тебе деньги? – презрительно осведомился он. – Ты же только и знаешь, что прятаться по углам. Тебе ни к чему красивая одежда, драгоценности... Ты не способна поддерживать разговор, да и в постели наверняка не подарок. Тебе надо бы благодарить меня за то, что я готов жениться на таком ничтожестве, но ты слишком глупа, чтобы оценить это!

– Я... я... – Раздосадованная, Эви не могла заставить свои губы произнести нужные слова и только сверкала глазами в тщетных попытках заговорить.

– Что за идиотка! – нетерпеливо буркнул Юстас, в приступе раздражения швырнув кольцо на пол. Он подпрыгнуло и покатилося, исчезнув под диваном. – Видишь, до чего ты меня довела! Давай ищи, а то останешься голодной. Пойду скажу матери, что я свое дело сделал: отдал кольцо тебе.

Эви осталась без ужина, но вместо того, чтобы искать потерянное кольцо, лихорадочно упаковала небольшой саквояж. Воспользовавшись водосточной трубой, она выскользнула через окно на втором этаже и бегом пересекла двор. На ее счастье, ей попался свободный экипаж, как только она выскочила за ворота.

Возможно, это был последний раз, когда она видела Юстаса, отметила Эви с мрачным удовлетворением. Он редко посещал светские вечеринки. Чем больше он толстел, тем реже выбирался из дома. В любом случае она никогда не пожалеет о том, что сбежала от него. Вряд ли он способен осчастливить какую бы то ни было женщину. В нем не было того, что деликатно именовалось «темпераментом». Вся его страсть сосредоточилась исключительно на еде и выпивке.

А вот лорд Сент-Винсент соблазнил и скомпрометировал столько женщин, что не счесть. В отличие от многих представительниц прекрасного пола Эви не одобряла подобное поведение. Однако этот факт служил гарантией того, что никто не усомнится в истинности их брака.

При этой мысли у Эви нервно сжался желудок. В мечтах ей виделось, что она выходит замуж за доброго и чувствительного человека, по-мальчишески веселого и непосредственного. Он будет любить ее и никогда не станет издеваться над ее заиканием.

Себастьян Сент-Винсент был полной противоположностью ее воображаемому возлюбленному. В нем не было ничего доброго, чувствительного или мальчишеского. Скорее он походил на хищника, которому нравится играть с добычей, прежде чем вонзить в нее зубы. Уставившись на пустое кресло, где он только что сидел, Эви явственно представила себе виконта, освещенного пламенем камина. Высокий и худощавый, он был одет с элегантной простотой, которая только подчеркивала его изысканную внешность. У него были густые, слегка выющиеся волосы цвета темного золота, какой встречается только на средневековых иконах, и светло-голубые глаза, сверкавшие, как редкостные алмазы в ожерелье императрицы. Красивые глаза, несмотря на циничный взгляд. Когда он улыбнулся, у Эви перехватило дыхание – так действовало на нее это ленивое движение выразительных губ, обнаживших ровный ряд белоснежных зубов. О, Сент-Винсент был великолепным мужчиной и прекрасно знал себе цену.

Странно, но Эви совсем не боялась его. Сент-Винсент был слишком умен, чтобы полагаться на физическое насилие в тех случаях, когда можно обойтись несколькими удачно выбранными словами и подчинить себе намеченную жертву. Куда больше она страшилась незамысловатой жестокости дяди Перегрин, не говоря уже о злобных руках тети Флоренс, имевшей пристрастие к обжигающим пощечинам и жалящим щипкам.

Никогда больше, поклялась себе Эви, рассеянно отряхивая с юбки грязь, прилипшую во время спуска по водосточной трубе. В саквояже, который она оставила в парадном холле, было чистое платье. Но едва ли стоит переодеваться, учитывая, что ей предстоит дальняя дорога и любая одежда помнется и испачкается задолго до того, как они достигнут цели своего путешествия.

Движение у двери привлекло ее внимание. Подняв глаза, Эви увидела пухленькую горничную, которая поинтересовалась, не желает ли она освежиться в одной из гостевых комнат. Удрученно отметив, что служанка, похоже, привыкла к присутствию в доме женщин, явившихся без сопровождения, Эви позволила, чтобы ее отвели в небольшую спальню наверху. Как и другие помещения, которые она успела увидеть, комната была изящно обставлена и содержалась в чистоте и порядке. Светлые обои украшала ручная роспись из птиц и китайских пагод. К радости Эви, одна из дверей вела в туалет, где, помимо прочего, обнаружилась раковина с краном в форме дельфина.

Справив свои нужды, Эви ополоснула лицо и руки и утолила жажду из серебряной чашки. Вернувшись в спальню, она поискала щетку или расческу и, не найдя таковой, пригладила руками пышную массу волос, заколотых на макушке.

Ни звук, ни шорох не предупредили ее о чьем-либо присутствии, но Эви вдруг ощутила, что она не одна в комнате. Резко обернувшись, она увидела Сент-Винсента, который наблюдал за ней, небрежно прислонившись к дверному косяку. Странное ощущение пронзило ее, словно по телу прокатилась теплая волна. Она вдруг почувствовала слабость и поняла, что ужасно устала. Да и мысль о том, что ей предстоит – путешествие в Шотландию, поспешная свадьба и физическое подтверждение брака, – лишала последних сил. Борясь с головокружением, Эви распрямила плечи и шагнула вперед, но сноп слепящих искр, вспыхнувший у нее перед глазами, заставил ее покачнуться.

Тряхнув головой, чтобы прояснить зрение, она обнаружила, что Сент-Винсент стоит рядом с ней и поддерживает ее за локти. Он был настолько близко, что она ощущала исходящий от него запах – слабый аромат дорогого одеколона, смешанный с запахами чистого тела, льняного полотна и первосортной шерстяной ткани. Он излучал здоровье и жизненную силу. Глубоко взволнованная, Эви растерянно уставилась в его лицо, склонившееся над ней. Сент-Винсент оказался гораздо выше, чем ей представлялось, когда она видела его издалека.

– Когда вы ели в последний раз? – спросил он.

– Вчера утром... кажется...

Он вскинул рыжеватую бровь.

– Только не говорите, что родственники морят вас голодом. – Сент-Винсент покачал головой и закатил глаза к небу, когда она кивнула. – Ситуация становится все более мелодраматичной. Я велю кухарке упаковать в дорогу корзинку с провизией. Возьмите меня под руку, я помогу вам спуститься вниз.

– Спасибо, я в состоянии идти сама...

– Возьмите меня под руку, – повторил Сент-Винсент любезным, но непререкаемым тоном. – Я не позволю вам свалиться с лестницы и сломать шею еще до того, как мы сядем в карету. Богатые наследницы не валяются на дороге. Мне потребуется чертовски много времени, чтобы подыскать вам замену.

Когда они двинулись вниз, Эви вынуждена была признать, что недооценила свое состояние, и была благодарна Сент-Винсенту за поддержку. На полпути он обхватил ее за талию, помогая преодолеть последние ступеньки. Костяшки его пальцев еще носили следы столкновения с лордом Уэстклиффом, и Эви невольно усомнилась, что этот утонченный аристократ сможет противостоять ее массивному дядюшке, если дело дойдет до драки. Вздвогнув, она пожелала, чтобы они оказались в Гретна-Грин как можно скорее.

Ее дрожь не осталась незамеченной.

– Вы замерзли? – спросил Сент-Винсент, крепче обхватив ее талию. – Или это нервы?

– Я х-хотела бы выбраться из Лондона, – ответила Эви, – пока мои родственники не нашли меня.

– А что, у них есть причины подозревать, что вы отправились ко мне?

– О н-нет, – заверила его она. – Никому даже в голову не придет, что я способна на такой безумный поступок.

Не испытывая уже легкого головокружения, его ослепительная улыбка привела бы ее в это состояние.

– Хорошо, что мое тщеславие невозможно поколебать. Иначе вы не оставили бы от него камня на камне.

– Уверена, у вас было более чем достаточно женщин, чтобы питать ваше тщеславие. Вряд ли вам нужна еще одна.

– Мне всегда нужна еще одна, дорогая. В этом и состоит моя проблема.

Он проводил ее назад в библиотеку и ненадолго оставил. Пригревшись в кресле у огня, Эви начала клевать носом, когда вернулся Сент-Винсент. Сонная, она последовала за ним к покрытому черным лаком экипажу, ожидавшему перед домом. Сент-Винсент подхватил ее за талию и ловко усадил в экипаж. Обивка из кремового плюша поражала своей непрактичностью и великолепием, мягко сияя в свете небольшого фонаря, закрепленного под потолком кареты. Откинувшись на шелковые подушки, Эви испытала непривычное чувство комфорта и благополучия. Родня ее матери жила в соответствии с жестким набором правил, порицая любые проявления излишеств. Для Сент-Винсента, как она подозревала, излишества были нормой, особенно если это касалось его личных удобств.

На полу стояла корзинка, оплетенная тонкими кожаными ремешками. Порывшись внутри, Эви обнаружила несколько завернутых в салфетку бутербродов с ветчиной и сыром. Запах копченого мяса возбудил у нее волчий аппетит, и она быстро проглотила два бутерброда, чуть не подавившись в своем стремлении утолить голод.

Расположившийся на противоположном сиденье Сент-Винсент с улыбкой наблюдал, как она приканчивает второй бутерброд.

– Надеюсь, вам полегчало?

– Да, спасибо.

Сент-Винсент открыл дверцу шкафчика, встроенного в стенку кареты, и извлек хрустальный бокал и бутылку вина. Наполнив бокал, он протянул его Эви. Осторожно пригубив вино, чтобы распробовать вкус, она жадно выпила сладкий с терпким привкусом напиток. Юным девушкам редко позволяли пить вино, не разбавленное водой. Не успела она осушить бокал, как Сент-Винсент наполнил его снова. Карета тронулась и покатила, подсакивая на булыжной мостовой. Опасаясь, как бы не расплескать вино на бархатную обивку, Эви сделала большой глоток.

Сент-Винсент тихо рассмеялся.

– Не стоит спешить, дорогая. Впереди у нас долгий путь. – Расслабленно откинувшись на подушки, он выглядел как турецкий паша из любовных романов, которые обожала Дейзи Боумен. – Скажите, а что бы вы сделали, если бы я не согласился на ваше предложение? Куда бы отправились?

– Полагаю, мне пришлось бы попросить приюта у Аннабеллы с мистером Хантом. Лилиан и лорд Уэстклифф отправились в свадебное путешествие, а обращаться к Боуменам было бесполезно. Хотя Дейзи оказала бы ей самую горячую поддержку, ее родители не стали бы вмешиваться в ситуацию.

– А почему вы не отправились к ним в первую очередь?

Эви нахмурилась:

– Хантам было бы сложно помешать моим родственникам вернуть меня домой. Гораздо безопаснее выйти замуж, чем гостить у друзей. – От выпитого вина голова у нее приятно кружилась, и она глубже погрузилась в мягкие подушки.

Подавшись вперед, Сент-Винсент потянулся к ее ботинкам.

– Без обуви вам будет удобнее, – сказал он. – Только, ради бога, не дергайтесь. Я не собираюсь набрасываться на вас в карете. – Развязав шнурки, он продолжил вкрадчивым тоном: – Даже будь у меня подобное желание, едва ли стоит торопить события, учитывая, что мы скоро поженимся. – Он ухмыльнулся, когда она отдернула обтянутую чулком ступню, и потянулся к другой ноге.

Позволив ему снять второй ботинок, Эви заставила себя расслабиться, хотя от прикосновения его пальцев по ее телу пробегали горячие волны.

– Почему бы вам не расслабить корсет? – предложил он. – Это сделает путешествие более приятным.

– Я не ношу к-корсет, – отозвалась Эви, избегая его взгляда.

– Неужели? Боже! – Он скользнул опытным взглядом по ее талии. – У вас прелестные формы.

– Я предпочла бы не обсуждать эту тему.

– Прошу прощения... Я привык обращаться с благородными дамами как с особами легкого поведения и наоборот.

– И это сходит вам с рук? – скептически поинтересовалась она.

– О да, – ответил он с таким самодовольством, что она не могла не улыбнуться.

– Вы уж-жасный человек.

– Не стану отрицать. Но, как показывает практика, скверные люди обычно заканчивают намного лучше, чем они того заслуживают. В то время как хорошие, вроде вас... – Он сделал жест в сторону Эви, словно ее положение служило подтверждением его мысли.

– Возможно, я не настолько хороша, как вам кажется.

– Надеюсь, что так. – Сент-Винсент задумчиво прищурился, прикрыв глаза ресницами, которые Эви нашла неприлично длинными для мужчины. Несмотря на высокий рост и широкие плечи, в нем было что-то кошачье... Он напоминал тигра, ленивого, но смертельно опасного. – Чем болен ваш отец? – вдруг спросил он. – До меня доходили кое-какие слухи, но ничего определенного.

– У него туберкулез, – тихо ответила Эви. – Диагноз поставили полгода назад, и с тех пор мы не виделись. Раньше Мейбрики позволяли мне навещать его в клубе, так как не находили в этом особого вреда. Но в прошлом году тетя Флоренс решила, что общение с отцом не способствует удачному замужеству, и запретила мне встречаться с ним. Они хотят, чтобы я делала вид, будто его не существует.

– Удивительно, – иронически произнес он, скрестив ноги. – Откуда это неожиданное желание суетиться вокруг его смертного одра? Хотите убедиться, что он упомянул вас в своем завещании?

Проиигнорировав его издевательский тон, Эви задумалась над ответом.

– В детстве меня часто отпускали к нему, – сказала она после небольшой паузы. – Мы были привязаны друг к другу. Отец был – и остается – единственным человеком, которому я небезразлична. Я люблю его. И не хочу, чтобы он умер в одиночестве. Можете смеяться надо мной, если это вас забавляет. Мне все равно. Ваше мнение ничего для меня не значит.

– Ну-ну, не стоит заводитьсь. – В его голосе прозвучало искреннее веселье. – Похоже, вы унаследовали темперамент от отца. Мне приходилось видеть, как он так же сверкал глазами по поводу какого-нибудь пустяка.

– Вы знали моего отца? – удивилась она.

– Конечно. Все любители развлечений побывали в свое время у Дженнера. Ваш отец – неплохой человек, что не мешает ему быть вспыльчивым как порох. Но я не могу понять, с какой стати одна из Мейбриков вышла замуж за парня, родившегося в городских трущобах.

– Думаю, для моей матери это была единственная возможность сбежать из дома.

– Совсем как в нашем случае, – заметил Сент-Винсент. – Вы не находите, что здесь есть определенное сходство?

– Надеюсь, на этом оно и кончается, – ответила Эви. – Я была зачата вскоре после свадьбы, а затем моя мать умерла при родах.

– Я не намерен награждать вас ребенком вопреки вашему желанию, – примирительно произнес он. – Существует немало способов избежать нежелательной беременности... тампоны, омовения, не говоря уже о серебряных амулетах... – Он осекся при виде ее выражения и рассмеялся. – Боже, у вас глаза как блюдца! Я испугал вас? Не может быть, что вы никогда не слышали о подобных вещах от своих замужних подруг.

Эви медленно покачала головой. Хотя Аннабелла Хант охотно делилась некоторыми тайнами супружеских отношений, она никогда не упоминала о способах предотвращения беременности.

– Сомневаюсь, что они сами когда-либо слышали об этом, – сказала она, вызвав у него очередной смехок.

– Я буду счастлив просветить вас, когда мы доберемся до Шотландии. – Его губы изогнулись в улыбке, которую сестры Боумен когда-то находили неотразимой... очевидно, они не замечали расчетливого блеска в его глазах. – Любовь моя, а вы не допускаете, что вам настолько понравится подтверждение брака, что захочется повторить?

Как легко, однако, ласковые словечки слетают с его языка!

– Нет, – твердо сказала Эви. – Не допускаю.

– М-м... – промурлыкал Сент-Винсент. – Обожаю вызов.

– Я не исключаю, что брачная ночь доставит мне удовольствие, – проговорила Эви, глядя на него в упор, хотя ее щеки зарделись от смущения. – Я даже надеюсь на это. Но это не заставит меня изменить свое решение. Потому что я знаю, кто вы такой и на что способны.

– Боже... – произнес он почти нежно, – вам еще только предстоит узнать худшее обо мне.

Глава 3

Для Эви двое суток, проведенных в дороге, оказались сущей пыткой. Двигайся они чуть медленнее, было бы гораздо легче. Однако по ее собственному настоянию они направились напрямик в Гретна-Грин, останавливаясь только для того, чтобы сменить кучера и упряжку. Эви опасалась, что, если ее родственники поймут, что она задумала, кинутся в погоню. И, судя по исходу схватки Сент-Винсента с лордом Уэстклиффом, она сомневалась, что он сможет противостоять ее дяде Перегрину.

Несмотря на отличные рессоры, экипаж, мчавшийся на предельной скорости, так раскачивался и подпрыгивал, что Эви укачало. Измученная, она не могла заснуть, не в состоянии найти удобную позу. Голова ее то и дело ударялась о стенку кареты. Даже если ей удавалось задремать, то не более чем на несколько минут.

Сент-Винсент легче переносил свалившееся на них испытание, хоть и приобрел несколько помятый вид. Все попытки разговоров давно иссякли, и они продолжили путь в стоическом молчании. Удивительно, но он ни разу не пожаловался на тяготы пути. Очевидно, ему так же, как и ей, не терпелось добраться до Шотландии. В конце концов, решила Эви, он не меньше, чем она, заинтересован в том, чтобы они как можно скорее поженились.

Карета мчалась все дальше, подскакивая на ухабах. Каждый раз, когда дверца распахивалась и Сент-Винсент спрыгивал вниз, чтобы проследить за заменой упряжки, внутрь врывался порыв холодного ветра. Оцепеневшая от холода и усталости, Эви дремала в углу кареты.

Ночь сменилась днем, промозглым и дождливым. Плащ Эви промок насквозь, пока они шли через гостиничный двор. Сент-Винсент проводил ее в отдельную комнату, где она съела тарелку обжигающего супа и воспользовалась ночным горшком, пока он менял лошадей. При виде постели она чуть не расплакалась. Ничего, она отоспится позже, когда доберется до Гретна-Грин и станет недосыгаемой для своей родни.

Вся остановка заняла не более получаса. Вернувшись в карету, Эви попыталась снять мокрую обувь, боясь запачкать бархатную обивку. Сент-Винсент, забравшийся следом, взялся помочь. Пока он развязывал шнурки и стаскивал ботинки с ее онемевших ног, Эви молча сняла с его головы мокрую шляпу и бросила на противоположное сиденье. Его густые волосы переливались всеми оттенками – от янтарного до белокурого.

Усевшись рядом с ней, Сент-Винсент помолчал, вглядываясь в ее осунувшееся лицо.

– Любая женщина на вашем месте, – произнес он наконец, коснувшись ее щеки, – уже замучила бы меня бесконечными стонами и жалобами.

– К-как я могу жаловаться, – возразила Эви, дрожа от холода, – если я сама просила вас отправиться в Шотландию?

– Мы уже на полпути туда. Если ничего не случится, к завтрашнему вечеру мы будем женаты. – Он криво улыбнулся. – Мне еще не приходилось видеть невесту, которая так стремилась бы к брачной постели.

Дрожащие губы Эви изогнулись в ответной улыбке, когда она сообразила, что он имеет в виду ее желание отоспаться. Глядя в его лицо, она задавалась вопросом, как ему удастся выглядеть таким привлекательным, несмотря на следы усталости и тени под глазами. Он казался более человечным, чем тот надменный и бездушный аристократ, с которым она пустилась в путь. Возможно, все это проявится вновь, когда он отдохнет, но сейчас Сент-Винсент держался свободно и непринужденно, словно во время этого безумного путешествия между ними возникла некая хрупкая связь.

Волшебство момента прервал стук в дверцу кареты. Когда виконт открыл ее, их взору предстала горничная в плаще с капюшоном, отяжелевшим от непрекращающегося дождя.

– Вот, милорд, – сказала она, протягивая ему два замотанных в тряпье предмета, – горячее питье и кирпич, как вы просили.

Сент-Винсент выудил из кармашка монету и вручил девушке. Просияв, та кинулась назад, под крышу гостиницы. Эви удивленно моргнула, когда Сент-Винсент протянул ей керамическую кружку, наполненную жидкостью, над которой поднимался пар.

– Что это?

– Кое-что, что поможет вам согреться. – Он взял в руки кирпич, завернутый в несколько слоев фланели. – А это для ваших ступней. Поднимите-ка ноги на сиденье.

В любых других обстоятельствах Эви не допустила бы столь вольного обращения. Однако она не произнесла ни слова протеста, пока он укладывал нагретый кирпич ей под ноги.

– О-о! – Она вздрогнула от восхитительного ощущения тепла, окутавшего ее замерзшие ступни. – Какое блаженство! Мне еще никогда не было так хорошо...

– Женщины постоянно твердят мне это, – сказал он с улыбкой. – А теперь прислонитесь ко мне.

Эви подчинилась, позволив ему ее обнять. Его грудь была широкой и очень твердой, но оказалась идеальной подушкой для ее головы. Поднеся кружку к губам, она сделала осторожный глоточек горячего напитка. Там явно присутствовал алкоголь, смешанный с водой и сдобренный сахаром и лимоном. С каждым глотком ей становилось теплее. Карету по-прежнему качало, но крепкая рука Сент-Винсента прочно удерживала ее на месте. Эви удовлетворенно вздохнула, недоумевая, как ад мог так быстро превратиться в нечто очень похожее на рай.

Никогда прежде она не находилась в столь тесной близости с мужчиной. Казалось ужасно неправильным наслаждаться этим. Но с другой стороны, надо быть совсем бесчувственной, чтобы ничего не испытывать. Природа щедро одарила этого недостойного субъекта. Более того, от него исходило восхитительное тепло. Эви подавила желание прижаться теснее к его большому телу, облаченному в сюртук из отличного сукна, жилет из плотного шелка и рубашку из тончайшего полотна. К запаху дорогого одеколona примешивалось солоноватое благоухание его чистой кожи.

В страхе, что ей придется отстраниться от него, когда напиток закончится, Эви старалась пить как можно медленнее. Когда она проглотила последние капли, Сент-Винсент забрал у нее кружку и поставил на пол кареты. Эви испытала громадное облегчение, когда его рука вновь обвилась вокруг нее. Она услышала, как он зевнул у нее над головой.

– Спите, – шепнул он. – У нас еще три часа до следующей смены упряжки.

Эви повернулась вполоборота, уютно устроившись в его объятиях, и позволила себе погрузиться в манящие глубины сна.

Остаток путешествия превратился в расплывчатое пятно из бесконечного движения, тяжелой дремоты и резких пробуждений. Измученная вконец, Эви все больше зависела от Сент-Винсента. На каждой установке он умудрялся принести ей кружку горячего чая или бульона и позаботиться о том, чтобы прогреть кирпич. Он даже раздобыл стеганое одеяло, сухо посоветовав Эви не спрашивать, где его взял. Уверенная, что иначе она превратится в сосульку, Эви быстро избавилась от всех угрызений совести и беззастенчиво льнула к Сент-Винсенту, стоило ему оказаться в карете.

– Не думайте, что я вешаюсь вам на шею, – заявила она, пристроившись у него под боком. – Просто вы единственный источник т-тепла, который имеется под рукой.

– Как скажете, – лениво отозвался Сент-Винсент, плотнее закутав их обоих в одеяло. – Хотя, должен заметить, в последние полчаса вы уделили моему брэнному телу больше внимания, чем кто-либо другой.

– Сомневаюсь. – Она глубже зарылась в его сюртук и невнятно продолжила: – Думаю, ваше брэнное тело никогда не испытывало недостатка во внимании.

– Но не в таких обстоятельствах. – Он дернулся и слегка передвинул ее. – Уберите свое колено, дорогая, иначе ваши планы о подтверждении брака могут оказаться под угрозой.

Эви задремала и проснулась только на следующей остановке, когда Сент-Винсент осторожно тряхнул ее за плечо.

– Эванджелина, – шепнул он, убирая с ее лица растрепавшиеся волосы. – Просыпайтесь. Мы на постоялом дворе. Пора выйти и освежиться.

– Я не хочу, – пробормотала она, раздраженно отталкивая его руку.

– Придется, – мягко возразил он. – Нам предстоит длинный отрезок пути, так что рекомендую вам воспользоваться удобствами, пока есть такая возможность.

Эви хотела было возразить, что ей не требуются никакие удобства, но вовремя опомнилась. При мысли о том, чтобы выбраться из кареты на холодный серый дождь, она чуть не расплакалась. Нагнувшись, она натянула влажные, облепленные грязью ботинки и взялась за шнурки. Сент-Винсент решительно отвел ее руки и завязал их сам, а затем помог ей выйти из кареты. Снаружи царил дьявольский холод. Эви поежилась под порывами ледяного ветра. Накинув капюшон ей на голову, Сент-Винсент обнял ее за плечи и повел через двор к гостинице.

– Лучше уж потратить несколько минут здесь, – сказал он, – чем останавливаться потом на дороге. При моем знании женского организма...

– С моим организмом все в порядке, – натянуто произнесла Эви. – Вам незачем распространяться на эту тему.

– Разумеется. Пожалуй, я слишком много болтаю, но это чтобы не дать себе заснуть. И вам, кстати, тоже.

Держась за его талию, Эви пробиралась по замерзшей грязи, утешая себя мыслями о кузене Юстасе. Как хорошо, что ей не придется выходить за него замуж! Никто больше не заставит ее жить под крышей Мейбриков. Эта мысль придала ей сил. Когда она выйдет замуж, они лишатся власти над ней. Боже, скорее бы это произошло!

Договорившись, чтобы им предоставили комнату, Сент-Винсент взял ее за плечи и окинул придирчивым взглядом.

– У вас такой вид, словно вы на грани обморока, – искренне сказал он. – Почему бы нам не задержаться здесь на пару часов? Вы могли бы отдохнуть...

– Нет, – перебила она его. – Я хочу продолжить путь.

Сент-Винсент посмотрел на нее с явной досадой, но спросил вполне миролюбиво:

– Вы всегда так упрямы?

Проводив ее в предоставленную им комнату, он посоветовал запереть дверь.

– Постарайтесь не заснуть на ночном горшке, – добавил он, прежде чем оставить ее одну.

Когда они вернулись в карету, Эви проделала уже ставший привычным ритуал, сняв ботинки и позволив Сент-Винсенту подложить ей под ноги горячий кирпич. Он усадил ее к себе на колени, поставив свою разутую ногу на кирпич. Сердце Эви учащенно забилось, и кровь быстрее побежала по жилам, когда он взял ее руку и принялся играть ее ледяными пальцами. Его рука была восхитительно теплой, с бархатистой кожей и ухоженными ногтями. Он переплел ее пальцы со своими, поглаживая ладонь.

Эви вздохнула. Этого просто не может быть. Кто бы мог подумать, что она, заурядная Эванджелина Дженнер, окажется в одной карете с опытным соблазнителем, мчась во весь опор в Гретна-Грин? Боже, что она затеяла? Повернув голову, она прижалась щекой к тонкому полотну его рубашки и сонно спросила:

– У вас большая семья?

Сент-Винсент помедлил, касаясь губами ее волос, прежде чем ответить:

– Нет, никого не осталось, кроме меня и отца. Мать умерла от холеры, когда я был совсем маленьким. Правда, у меня было четыре старших сестры, и они баловали меня сверх всякой

меры. Однако три сестры заразились скарлатиной... Меня отправили в деревню, а когда я вернулся, их уже не было. Осталась одна сестра – она была самая старшая и замужем, – но, как и ваша мать, умерла при родах. Ребенок тоже не выжил.

Эви сидела очень тихо во время этого бесстрастного изложения фактов, но внутри у нее что-то дрогнуло. Она ощутила острый приступ жалости к мальчику, которым он когда-то был. Мать и четыре сестры – все ушли из жизни. Даже взрослому тяжело пережить такую потерю, а ребенку тем более.

– Вы никогда не задумывались о том, как сложилась бы ваша жизнь, – спросила она неожиданно для самой себя, – будь у вас мать?

– Нет.

– А я – да. Я часто задавалась вопросом, что бы она мне посоветовала в том или ином случае.

– Ну, учитывая, что ваша мать умудрилась выйти замуж за такого головореза, как Айво Дженнер, – иронически отозвался Сент-Винсент, – я бы не очень полагался на ее советы. – Он помолчал. – Кстати, как они познакомились? У девицы благородного происхождения не так уж много возможностей встретиться с таким типом, как Дженнер.

– Пожалуй. Это случилось в один из зимних дней, когда туман в Лондоне настолько плотный, что в двух шагах ничего не видно. Моя мать ехала в карете со своей сестрой. Карета вильнула, чтобы избежать столкновения с повозкой уличного торговца, и сбила моего отца, стоявшего на тротуаре. По настоянию моей матери кучер остановился, чтобы поинтересоваться состоянием потерпевшего. Отец отделался несколькими синяками. Должно быть, он заинтересовал ее, потому что на следующий день она написала ему письмо, где спрашивала о его здоровье. Между ними завязалась переписка – правда, за отца писал приятель, поскольку он не получил образования. Я не знаю всех подробностей, но в конечном итоге они сбежали. – Эви удовлетворенно улыбнулась, вообразив ярость Мейбриков, когда они обнаружили, что ее мать сбежала с Айво Дженнером. – Ей было девятнадцать, когда она умерла, – задумчиво произнесла она. – А мне уже двадцать три. Как странно, что я уже прожила дольше ее. – Повернувшись в объятиях Себастьяна, она заглянула ему в лицо. – Сколько вам лет, милорд? Тридцать четыре? Или тридцать пять?

– Тридцать два. Хотя в данный момент я чувствую себя столетним старцем. – Он устремил на нее любопытный взгляд. – Что случилось с вашим заиканием? Он исчезло где-то на полпути.

– Правда? – удивилась Эви. – Должно быть, потому, что в вашем обществе мне уютно. С некоторыми людьми я заикаюсь меньше. – Все-таки странно, ведь ее заикание никогда полностью не исчезало – только когда она разговаривала с детьми.

Его грудь дрогнула под ее щекой от приглушенного смеха.

– Никто еще не говорил, что в моем обществе ему уютно. Не уверен, что мне это нравится. Я просто обязан сделать что-нибудь ужасное, чтобы исправить впечатление.

– Не сомневаюсь, что вы на это способны. – Эви закрыла глаза и теснее прижалась к нему. – Признаться, мне надоело это заикание.

Его рука легла ей на голову, легко поглаживая волосы.

– Спите, – шепнул он. – Мы почти приехали. Если уж вы собрались в ад, то скоро вам станет жарко.

Однако чем дальше на север они продвигались, тем холоднее становилось. Деревня Гретна-Грин располагалась в графстве Дамфрисшир, чуть севернее границы между Англией и Шотландией. Бросая вызов строгим брачным законам Англии, множество пар устремлялось в Гретна-Грин. Они шли пешком, ехали в экипажах или скакали верхом в поисках места, где можно произнести брачные обеты и вернуться в Англию как муж и жена.

После того как пара, миновав мост через реку Сарк, попадала в Шотландию, могла сочетаться браком в любом месте. Единственное, что для этого требовалось, – произнести обеты при свидетелях. В Гретна-Грин развернулась целая индустрия с конкуренцией за осуществление свадебных церемоний в частных домах, на постоянных дворах и даже под открытым небом. Однако наиболее известным помещением такого рода была кузница, где состоялось огромное количество поспешных свадеб. Начало традиции было положено в восемнадцатом веке, когда местный кузнец совершил брачный обряд, став первым в длинной череде своих последователей.

По прошествии двух суток карета Сент-Винсента достигла пункта назначения – гостиницы, расположенной рядом с кузницей. Опасаясь, как бы Эви не упала в обморок от усталости, Сент-Винсент поддерживал ее за талию, пока они беседовали с хозяином гостиницы. Мистер Финдли просиял от восторга, узнав, что они прибыли для заключения брака, и заверил их, хитро подмигивая, что всегда держит наготове комнату для подобных случаев.

– Сами понимаете, это незаконно, пока вы не доведете дело до конца, – сообщил он с жутким шотландским акцентом. – Как-то раз нам пришлось выводить новобрачных из кузницы через задний ход, когда преследователи уже ломились в переднюю дверь. Когда они ворвались в гостиницу, то обнаружили парочку уже в постели, правда, новобрачный не успел снять сапоги. Однако это не помешало парню сделать свое дело! – Он громко расхохотался.

– Что он сказал? – спросила Эви, не разобрав ни слова.

– Понятия не имею, – шепнул Сент-Винсент ей на ухо. – Я хотел бы, – сказал он, обращаясь к хозяину, – чтобы вы приготовили горячую ванну, когда мы вернемся из кузницы.

– Как пожелаете, милорд, – отозвался тот, с довольным видом принимая монеты, которые вручил ему Сент-Винсент в обмен на старомодный ключ. – Прикажете также подать поднос с едой?

Сент-Винсент бросил на Эви вопросительный взгляд. Она покачала головой.

– Нет, – ответил он, – но подозреваю, что нам понадобится плотный завтрак утром.

– Хорошо, милорд. Собираетесь пожениться в кузнице? И правильно. В Гретна-Грин нет лучше священника, чем Пейсли Макфи. Образованный человек, скажу я вам. И церемонию проведет, и свидетельство выпишет.

Они вышли из гостиницы и направились к кузнице, которая располагалась по соседству. По обеим сторонам улицы тянулись ряды аккуратных домиков и лавок. Несмотря на ранний вечер, уже стемнело, и на улицах зажглись фонари. Когда они приблизились к приземистому строению с белеными стенами, Сент-Винсент тихо сказал:

– Потерпите еще немного. Скоро все кончится.

Тяжело прислонившись к нему, Эви терпеливо ждала, пока он постучит в дверь. Та вскоре распахнулась, явив их взору грузного краснолицего мужчину с впечатляющими усами, переходившими в пышные бакенбарды. К счастью, его шотландский акцент оказался менее ужасающим, чем у трактирщика, и Эви могла следить за разговором.

– Вы Макфи? – осведомился Сент-Винсент.

– Да.

Виконт коротко представился и изложил цель их визита. Кузнец широко улыбнулся:

– Значит, желаете пожениться? Входите.

Он позвал двух своих дочерей, круглолицых и темноволосых, представив их как Флорак и Гэвинию, а затем препроводил всю компанию в кузницу, примыкавшую к дому. Макфи, как и трактирщик, был полон неистощимого энтузиазма и добродушия, опровергая все, что Эви слышала о суровом нраве и неприветливости шотландцев.

– Вы не возражаете против моих девчушек в качестве свидетелей? – поинтересовался он.

– Нет, – отозвался Сент-Винсент, окинув взглядом помещение, заваленное лошадиными подковами, сельскохозяйственными орудиями, колесами и прочими изделиями из железа.

Свет масляной лампы зажигал крохотные искорки в золотистой щетине, проступившей на его челюсти. – Как вы, наверное, догадались, моя... – он помедлил, размышляя, как назвать Эви, – невеста крайне утомлена. Мы очень спешили, добираясь из Лондона, и я хотел бы ускорить церемонию.

– Из Лондона? – переспросил кузнец, с довольной улыбкой повернувшись к Эви. – Что же тебя привело в Гретну, девонька? Родителям не по душе твой избранник?

Эви слабо улыбнулась в ответ.

– Боюсь, все не так просто, сэр.

– Это никогда не бывает просто, – согласился Макфи с проницательным видом. – Но должен предупредить тебя, девонька, если уж ты решила выйти замуж без благословения семьи, что клятвы, которые ты произнесешь здесь, – это навеки. Так что если ты не уверена в своей любви...

Прервав эту тираду, обещавшую перейти в длинный перечень отеческих наставлений, Сент-Винсент решительно произнес:

– Любовь здесь ни при чем. Это брак по расчету, и наших пылких чувств не хватит даже на то, чтобы воспламенить свечку на именинном торте. Приступайте к церемонии, если вам не трудно. Мы не смыкали глаз последние двое суток.

Воцарилось недолгое молчание, пока шокированная аудитория переваривала услышанное. Наконец Макфи пришел в себя и неодобрительно нахмурился.

– Вы мне не нравитесь, – объявил он, сдвинув кустистые брови.

Сент-Винсент ответил ему раздраженным взглядом.

– Моей будущей супруге я тоже не нравлюсь. Но если она не возражает против брака со мной, то и вам не следует возражать. Приступайте.

Макфи сочувственно посмотрел на Эви.

– А как же цветы? – воскликнул он, явно вознамерившись привнести в церемонию хоть малую толику романтики. – Флораг, сбегай-ка за белым вереском.

– Нам не нужны цветы, – отрывисто бросил Сент-Винсент, но девушка уже выскочила из комнаты.

– По шотландскому обычаю невеста должна держать в руках букет белого вереска, – объяснил Макфи, обращаясь к Эви. – Хотите знать почему?

Эви кивнула, подавив невольный смех. Несмотря на усталость – а возможно, вследствие ее, – она начала получать какое-то извращенное удовольствие, наблюдая за усилиями Сент-Винсента сдерживать свое недовольство. Небритый и раздраженный, он мало походил на изысканного аристократа, почтившего своим присутствием прием, устроенный лордом Уэст-клиффом в Йоркшире.

– Давным-давно, – начал Макфи, не обращая внимания на приглушенный стон Сент-Винсента, – жила-была красавица по имени Мальвина. Она была обручена с Оскаром, отважным воином, покоровшим ее сердце. Заручившись обещанием невесты ждать его, Оскар отправился на поиски удачи. Однако в один черный день Мальвина получила известие, что ее возлюбленный погиб в сражении и остался лежать в чужой земле, погруженный в вечный сон...

– Боже, как я ему завидую! – с чувством сказал Сент-Винсент, потирая покрасневшие от недосыпания глаза.

– Когда горькие слезы Мальвины оросили луговую траву, – продолжил Макфи, – лиловый вереск у ее ног превратился в белый. С той поры каждая шотландская девушка украшает себя белым вереском в день свадьбы.

– Вы это серьезно? – недоверчиво спросил Сент-Винсент. – Вереск побелел от слез, пролитых девицей из-за гибели дружка?

– Именно так.

– Тогда с какой стати он считается символом супружеского счастья?

Макфи открыл рот для ответа, но в этот момент вернулась Флораг и вручила Эви ветку засушенного белого вереска. Эви поблагодарила девушку и позволила кузнецу подвести ее к наковальне, располагавшейся посередине помещения.

– У вас есть кольцо для невесты? – обратился Макфи к Сент-Винсенту. Тот покачал головой. – Я так и думал, – произнес кузнец с изрядной долей самодовольства. – Гэвиния, принеси шкатулку с кольцами. – Склонившись к Эви, он пояснил: – Я мастер не только по железу, но и по золоту. Великолепная работа, можете мне поверить, и все из чистейшего шотландского золота.

– Нам не нужны... – Сент-Винсент осекся, встретив взгляд Эви, и испустил раздраженный вздох. – Ладно. Выберите что-нибудь, только поскорее.

Вытащив из шкатулки лоскут шерсти, Макфи расстелил его на наковальне и любовно разложил на нем с полдюжины колец. Пораженная, Эви склонилась ниже. Кольца были разной формы и размеров, но отличались таким изяществом, что казалось невероятным, что они созданы грубыми руками кузнеца.

– Видите, здесь орнамент из чертополоха, – сказал Макфи, протягивая ей одно из колец, – а это шетландская роза.

Эви взяла самое маленькое колечко и примерила его на безымянный палец левой руки. Оно оказалось впору. Поднеся руку к глазам, она разглядела изящную надпись на шотландском языке, выгравированную на гладком ободке из полированного золота.

– Что это значит? – спросила она у Макфи.

– Тут сказано: «Моя любовь всегда с тобой».

Последовало неловкое молчание. Эви вспыхнула и поспешно сняла кольцо, сожалея, что проявила интерес. Упоминание о любви было сейчас настолько неуместным, что лишь подчеркнуло всю фальшь и пустоту предстоящей церемонии.

– Думаю, мне это ни к чему, – пробормотала она, осторожно положив кольцо на ткань.

– Мы возьмем его, – вдруг сказал Сент-Винсент. В ответ на изумленный взгляд Эви он коротко уронил: – Это всего лишь слова. Они ничего не значат.

Эви кивнула и опустила голову, чувствуя, как горят щеки.

С минуту Макфи хмуро смотрел на них, теребя усы, затем повернулся к дочерям.

– А теперь, девоньки, – сказал он нарочито бодрым тоном, – давайте споем.

– Это еще зачем? – попытался возразить Сент-Винсент, но Эви дернула его за рукав.

– Пусть поют, – шепнула она. – Чем больше вы спорите, тем больше времени это займет.

Выругавшись себе под нос, Сент-Винсент устался, прищурившись, на наковальню, пока сестры слаженно выводили:

Моя любовь подобна розе красной,
Что расцвела июльским утром.
Моя любовь, как музыка, прекрасна,
Что нежно шепчут струны лютни.
И пусть летят года,
Моя любовь с тобой всегда,
Пока не высохнут моря,
Не обнажится дно морское.

Внимая своим дочерям с нескрываемой гордостью, Макфи дождался, пока смолкнут последние звуки, после чего рассыпался в похвалах. Наконец, напустив на себя важный вид, он повернулся к паре, стоявшей у наковальни:

– А теперь позвольте задать вам вопрос: не состоит ли кто-нибудь из вас в законном браке?

– Нет, – коротко ответил Сент-Винсент.

– У вас есть кольцо для девушки?

– Вы же только что... – Сент-Винсент оборвал фразу и приглушенно выругался при виде выжидающе поднятых бровей Макфи. Похоже, единственный способ покончить с этим делом – это следовать правилам, установленным кузнецом. – Да, – прорычал он. – Вот оно.

– В таком случае наденьте его на палец невесты и возьмитесь за руки.

Стоя перед Сент-Винсентом, Эви ощущала странную легкость в голове. Сердце ее лихорадочно билось, но не от страха или волнения, а от какого-то непонятного чувства, которому она не знала названия. Когда он надел кольцо ей на палец и прижал свою горячую ладонь к ее ладони, напряжение достигло предела.

Сент-Винсент сохранял бесстрастное выражение, но его скулы слегка порозовели, а дыхание участилось. Смущенная тем, что ей уже известны такие интимные вещи, как ритм его дыхания, Эви отвела взгляд. Кузнец взял у одной из дочерей длинную белую ленту и набросил ее на их запястья.

Склонившись к ее уху, Сент-Винсент что-то тихо произнес, и она почувствовала, как его рука легла ей на шею, поглаживая ее, словно испуганное животное. Эви расслабилась, успокоенная легкими прикосновениями его пальцев.

Макфи деловито обмотал лентой их запястья и завязал бант.

– Так, а теперь повторяй за мной, девонька, – сказал он, обращаясь к Эви. – Беру тебя в мужа.

– Беру тебя в мужа, – прошептала Эви.

– Милорд? – подсказал кузнец.

Сент-Винсент устремил сверкающий взгляд на Эви, и, хотя его глаза казались непроницаемыми, она чувствовала, что он тоже находится во власти странного напряжения, которое возникло между ними.

– Беру тебя в жены, – произнес он после короткой паузы.

Макфи просиял.

– Перед лицом Господа и свидетелей объявляю вас мужем и женой. Кого Господь соединил, ни один смертный не разъединит, – торжественно провозгласил он и добавил: – С вас восемьдесят два фунта три кроны и один шиллинг.

Сент-Винсент с трудом оторвал глаза от Эви и взглянул на кузнеца, приподняв брови.

– Пятьдесят фунтов за кольцо, – сообщил Макфи в ответ на его невысказанный вопрос.

– Пятьдесят фунтов за кольцо без камня? – ядовито осведомился Сент-Винсент.

– Это шотландское золото, – заявил Макфи, негодуя, что его цена поставлена под сомнение. – Чистое золото, добытое в Шотландском нагорье...

– А остальное?

– Тридцать фунтов за церемонию, один фунт за использование моей кузницы, гинея за свидетельство о браке, которое будет готово к утру, одна крона свидетелям, – он указал на дочерей, которые захихикали и дружно присели, – и еще одна крона за цветы...

– Целая крона за этот веник? – возмутился Сент-Винсент.

– Ладно, я не стану брать с вас деньги за песню, – снизошел Макфи. – Ах да, еще шиллинг за ленту. Кстати, ее нельзя развязывать, пока брак не будет подтвержден. Иначе не миновать беды.

Сент-Винсент открыл рот, собираясь возразить, но, бросив взгляд на усталое лицо Эви, полез в карман за деньгами. Вытащив пачку банкнот, он бросил их на наковальню.

– Сдачи не надо, – ворчливо произнес он. – Отдайте ее дочерям, – в его голосе появилась ирония, – вместе с моей признательностью за песню.

Макфи рассыпался в благодарностях, а его дочери настолько воодушевились, что проводили их до дверей, исполнив еще один куплет свадебной песни.

Моя любовь с тобой всегда.
Пока не высохнут моря...

Глава 4

Когда они вышли наружу, дождь усилился, обрушивая на землю потоки воды. Эви ускорила шаг, из последних сил стремясь добраться до гостиницы. У нее было такое ощущение, словно она двигается во сне. Все вокруг казалось нереальным, а размокшая земля, казалось, ускользала из-под ног. К ее неудовольствию, Сент-Винсент остановился у стены дома, под прикрытием козырька крыши.

– В чем дело? – спросила она онемевшими от холода губами.

Он потянулся к их связанным запястьям и принялся распутывать ленту.

– Хочу избавиться от этого.

– Постойте. Не надо, – попыталась она остановить его, накрыв его пальцы своими.

– Почему? – нетерпеливо спросил Сент-Винсент, глядя на нее сверху вниз. С полей его шляпы капала вода. Уже совсем стемнело, и в слабом свете уличных фонарей его бледно-голубые глаза, казалось, светились изнутри.

– Вы слышали, что сказал мистер Макфи, – нас ждет беда, если мы развяжем ленту.

– Вы что, суеверны? – недоверчиво спросил Сент-Винсент.

Эви виновато кивнула.

Не трудно было заметить, что его терпение на пределе. Промокшие и замерзшие, они стояли в темноте, подняв связанные руки под неудобным углом. Сент-Винсент сжал пальцы, обхватив ее кулак своей ладонью.

– Вы и вправду хотите, чтобы мы появились в таверне в таком виде? – произнес он преувеличенно спокойным тоном.

Это был нелепый спор, но Эви слишком устала, чтобы рассуждать здраво. Она знала одно – в ее жизни было слишком много несчастий, чтобы напрашиваться на новые.

– Это же Гретна-Грин. Кому какое дело? И потом, мне казалось, что вам наплевать на условности.

– Я не имею ничего против репутации развратного негодяя, но выглядеть идиотом не желаю. – Он снова взялся за ленту.

– Прошу вас, не надо, – настойчиво проговорила Эви, перехватив его пальцы.

В следующее мгновение она оказалась прижатой к стене дома. Его свободная рука скользнула ей на шею, под тяжелый узел влажных волос, а губы прижались к ее губам. Их требовательный натиск вызвал мгновенный отклик во всем ее теле. Эви не умела целоваться и не знала, что делать с собственными губами. Растерянная и трепещущая, она льнула к нему закрытым ртом, ощущая бешеный стук сердца и слабость в коленях.

Он хотел от нее чего-то, о чем она ничего не знала. Чувствуя ее замешательство, Сент-Винсент слегка отстранился и осыпал ее лицо быстрыми поцелуями, царапая ее нежную кожу отросшей щетиной. Приподняв ее подбородок, он мягкими движениями большого пальца заставил ее приоткрыть рот и тут же запечатал ее губы своими. Эви ощутила его вкус – неуловимый и дурманящий, он подействовал на нее как какое-то экзотическое снадобье. Его язык осторожно проник внутрь и, не встретив сопротивления, скользнул глубже.

После возбуждающе неспешного поцелуя Сент-Винсент помедлил, едва касаясь ее губ своими. Их дыхание смешивалось, образуя облачко пара в холодном воздухе. Скользнув полуоткрытым ртом по ее губам, он двинулся дальше, проложив дорожку поцелуев к ее уху. Эви судорожно втянула в грудь воздух, когда он обвел кончиком языка контур ее ушной раковины, а затем прихватил мочку зубами.

Вытянувшись в струнку, она слепо потянулась к его дразнящим губам, и Сент-Винсент ответил на ее невысказанное желание нежным, но страстным поцелуем. Наслаждение было так велико, что Эви боялась потерять сознание и обхватила его шею свободной рукой, чтобы не

упасть. Неудивительно, пронеслось в ее одурманенном мозгу, что столько женщин не устояли перед ним, пожертвовав своей честью и репутацией. Поговаривали даже, что некоторые из покинутых им дам угрожали покончить с собой. Сент-Винсент был воплощением соблазна.

Когда он отстранился от нее, Эви удивилась, как это она не растеклась лужицей у его ног. Сент-Винсент тяжело дышал, его широкая грудь высоко вздымалась. Не сказав ни слова, он принялся развязывать ленту, полностью сосредоточившись на этой задаче. Его руки дрожали. Он не смотрел на нее – то ли не желал видеть ее лицо, то ли не хотел показывать собственное. Когда полоска белого шелка тихо соскользнула вниз, он наконец взглянул на нее, словно предлагая оспорить его действия.

Эви сочла за благо промолчать. Под руку они быстро добрались до гостиницы. Голова Эви кружилась, и она почти не слышала игривых поздравлений мистера Финдли, когда они вошли в крохотный зал. С трудом переставляя налитые свинцом ноги, она медленно поднялась по темной узкой лестнице.

Они остановились у двери в конце коридора. Устало прислонившись к стене, Эви ждала, пока Сент-Винсент справится с замком. Ключ со скрипом повернулся, и она сделала нетвердый шаг к открывшейся двери.

– Подождите. – Сент-Винсент нагнулся с явным намерением поднять ее.

Эви попробовала возразить:

– Вы не должны...

– Из уважения к вашей суеверной натуре, – сказал он, легко, как ребенка, подхватив ее на руки, – думаю, нам лучше следовать старинным обычаям. – Повернувшись боком, он протиснулся через дверной проем. – Считается плохой приметой, если новобрачная споткнется о порог. Мне приходилось видеть мужчин после трехдневной попойки, которые тверже держались на ногах, чем вы.

– Спасибо, – прошептала она, когда он опустил ее на пол.

– Это будет стоить полкроны, – отозвался Сент-Винсент.

Намек на расценки предприимчивого кузнеца заставил Эви улыбнуться, но ее улыбка поблекла, когда она огляделась по сторонам. Значительную часть крохотной комнатки занимала двуспальная кровать с железной спинкой, украшенной медными шишечками. Застеленная вылинявшим от бесчисленных стирок покрывалом, она казалась чистой и мягкой. На прикроватном столике горела масляная лампа с абажуром из рубинового стекла, заливая комнату розоватым сиянием. Продрогшая до костей, заляпанная грязью и усталая, она безмолвно взирала на древнюю жестяную лохань, стоявшую перед очагом, где разгоралось пламя.

Сент-Винсент запер дверь и подошел к ней. Что-то похожее на жалость промелькнуло на его лице, когда он заметил, что она трясется от холода.

– Позвольте помочь вам, – тихо произнес он и, сняв с ее плеч мокрый плащ, повесил его на спинку стула, стоявшего у огня.

Эви судорожно сглотнула и попробовала размять онемевшие конечности. При взгляде на постель она ощутила холодок в животе.

– Мы должны... – начала она и замолкла. Сент-Винсент взялся за застежку ее платья.

– Мы должны... – повторил он, проследив за ее взглядом, устремленным на постель. – Боже, конечно, нет. – Его пальцы проворно расстегивали длинный ряд пуговиц. – Как вы ни восхитительны, любовь моя, я слишком устал. Я никогда в жизни не говорил ничего подобного, но в данный момент я предпочел бы спать, а не трахаться.

Вне себя от облегчения, Эви испустила прерывистый вздох. Ей пришлось схватиться за Сент-Винсента, чтобы переступить через платье, которое он спустил вниз с ее бедер.

– Мне не нравится это слово, – пробормотала она.

– Придется привыкать, – последовал небрежный ответ. – Между прочим, это расхожее словечко в клубе вашего отца. Не представляю, как вам удалось не слышать его раньше.

– Я слышала, – возмущенно отозвалась Эви. – Просто не догадывалась, что оно означает.

Сент-Винсент присел на корточки, чтобы расшнуровать ее обувь. Его широкие плечи затряслись, и до Эви долетели какие-то придушенные звуки. Вначале она встревожилась, опасаясь, что он заболел, но потом поняла, что он смеется. Впервые она видела, чтобы он искренне смеялся, и не могла понять, что он нашел забавного. Стоя над ним в сорочке и панталонах, она хмуро изучала его склоненную голову.

Все еще смеясь, Сент-Винсент снял с нее ботинки и отбросил их в сторону. Чулки были спущены с ее ног с тем же деловитым проворством.

– Залезайте в лохань, – скомандовал он. – Сегодня вы в полной безопасности. Самое большее, на что я способен, это смотреть.

Эви, никогда в жизни не раздевавшаяся в присутствии мужчины, почувствовала, как жаркая волна прокатилась по ее телу. Сент-Винсент деликатно отвернулся и, прихватив кувшин с водой, стоявший у очага, подошел к умывальнику. Пока он собирал бритвенные принадлежности, Эви торопливо сняла белье и забралась в лохань. Вода была восхитительно горячей, и по ее заледеневшим ногам пробежали тысячи колючих мурашек.

На табурете рядом с лоханью стояла банка с желеобразным мылом. Эви окунулась с головой в воду и, вынырнув, потянулась к банке, чуть не уронив ее при этом. Намылив волосы, она издала недовольный возглас, когда едкая пена попала ей в глаза, и принялась лихорадочно плескать водой в лицо.

Сент-Винсент моментально оказался рядом с кувшином в руках.

– Поднимите голову, – услышала Эви.

Он ополоснул ей волосы, а затем быстро промокнул лицо чистым, но шершавым полотенцем. Эви послушно приняла его протянутую руку, когда он помог ей подняться. Ей следовало бы прийти в ужас от того, что она стоит обнаженной перед мужчиной, но она так устала, что было не до скромности. Дрожащая и обессиленная, позволила ему помочь ей вылезти из лохани. Она даже позволила вытереть ее полотенцем, не в состоянии ничего делать, кроме как неподвижно стоять, не замечая, как он смотрит на нее.

Сент-Винсент с ловкостью опытной горничной натянул на Эви фланелевую ночную рубашку, которую обнаружил в ее саквояже. Воспользовавшись сухим полотенцем, он вытер ей волосы, после чего препроводил ее к умывальнику. Эви сонно наблюдала, как он извлек из саквояжа зубную щетку, макнул ее в зубной порошок и вручил ей. Почистив и прополоскав зубы, она выплюнула воду в фаянсовую чашу. Щетка выпала из ее непослушных пальцев, стукнувшись о деревянные половицы.

– Где кровать? – прошептала Эви, прикрыв глаза.

– Здесь. Возьмите меня за руку. – Сент-Винсент подвел ее к кровати, и она забралась в постель, как раненое животное. Простыни оказались свежими и сухими, перина мягкой, а одеяло теплым. Зарывшись головой в подушку, Эви испустила стон облегчения. По легкому натяжению волос она поняла, что Сент-Винсент распутывает узлы в ее влажных локонах. Закончив, он отошел от постели, чтобы помыться. Эви бодрствовала достаточно долго, чтобы увидеть сквозь приоткрытые веки его длинное тело, казавшееся золотистым в свете огня. Когда он ступил в воду, глаза ее закрылись, и вскоре она крепко спала.

Ни одно сновидение не потревожило ее сон. Ничего, кроме бархатистой тьмы, мягкой постели и тишины шотландской деревни холодной осенней ночью. Она спала как убитая до самого рассвета, когда ее разбудили утренние шумы, проникавшие с улицы: крики торговцев, грохот повозок, ржание лошадей и прочие звуки, характерные для сельской местности. Эви открыла глаза и в рассеянном свете, струившемся сквозь кружевные занавески, с удивлением обнаружила, что в постели не одна.

Сент-Винсент. Ее муж. Он был обнажен – по крайней мере до пояса – и спал на животе, обхватив мускулистой рукой подушку. Очертания его спины и плеч были настолько

совершенны, что казались вырезанными из светлого балтийского янтаря, отполированного до блеска. Во сне его черты смягчились, утратив свое циничное выражение. Длинные ресницы и мягкий изгиб рта придавали ему чувственный и в то же время невинный вид.

Эви закрыла глаза, размышляя о том, что теперь она замужняя женщина, а значит, сможет увидеть отца и провести с ним столько времени, сколько понадобится. Маловероятно, что Сент-Винсент станет интересоваться, что она делает и куда ходит. Так что у нее будет определенная свобода. Эта мысль, несмотря на смутное беспокойство, притаившееся в уголке сознания, сделала ее почти счастливой. Удовлетворенно вздохнув, она снова заснула.

На этот раз ей приснился сон. Она шла по залитой солнцем тропинке, где часто гуляла, когда бывала в Гэмпшире. Тропинка вела к ручью, пересекая широкий луг, заросший высокой летней травой и цветами. Как-то раз Эви пришла сюда с подругами, и они загадали желания, побросав шпильки в журчащую воду. Наслушавшись преданий о речном духе, который якобы жил в глубине, Эви не без трепета подошла к берегу. Легенда гласила, что дух поджидает невинную девицу, чтобы утащить ее на дно и сделать своей супругой. Во сне, однако, она ничего не боялась и даже сняла обувь, чтобы провести по глади ручья кончиками пальцев. К ее удивлению, вода оказалась восхитительно теплой.

Усевшись на травянистом берегу, Эви опустила босые ступни в воду и подняла лицо к солнцу. Внезапно она почувствовала, как что-то коснулось ее щиколотки. Она замерла, не испытывая страха, даже когда уловила в воде какое-то движение. Прикосновения были нежными, словно чьи-то длинные пальцы массировали ее усталые ноги. Эви вздохнула от удовольствия. Невидимая рука скользнула выше, лаская ее лодыжки и колени, пока из глубин ручья не показался речной дух, превратившийся в человека, чтобы соблазнить ее. Он вылез из воды и заключил ее в объятия. Ощущение было таким чудесным, что она боялась, что он исчезнет, если она откроет глаза. Обвив его руками, она упивалась игрой мышц на его спине, перекачавшихся под горячей шелковистой кожей.

Нашептывая нежные слова, пригрезившийся возлюбленный покрывал поцелуями ее лицо и шею. Каждое его прикосновение отзывалось в ее теле бурей ощущений.

– Ты готова? – шепнул он, осторожно стягивая с нее одежду, пока ее обнаженная кожа не оказалась открытой прохладному воздуху. – Не бойся, любовь моя, все будет хорошо...

Дрожа всем телом, Эви слепо цеплялась за него. Он накрыл губами ее напрягшийся сосок и принялся дразнить его круговыми движениями языка, пока она не застонала, выгнувшись ему навстречу. Ее бедра раздвинулись, он приподнялся, расположившись между ними, а затем...

Глаза Эви широко распахнулись. Сон рассеялся, и она поняла, что находится не в Гэмпшире, а на постоялом дворе в Гретна-Грин, и шум воды исходит не от ручья, а от проливного дождя снаружи. Солнца не было и в помине, зато в очаге пылал яркий огонь. А тело, к которому она прижималась, принадлежало не речному духу, а вполне реальному мужчине. Эви ахнула, осознав, что она обнажена и лежит в объятиях Сент-Винсента.

Он поднял голову и взглянул на нее. На его скулах горел легкий румянец, отчего глаза казались еще светлее и пронзительнее, чем обычно.

– Тебя нелегко разбудить, – произнес он с лукавой усмешкой, скользнув ладонью по ее бедру.

Шокированная, Эви издала протестующий возглас и заерзала под ним, но он только крепче прижал ее к перине. – Лежи спокойно. Тебе ничего не нужно делать. Позволь мне позаботиться обо всем. Впрочем, ты тоже можешь трогать меня... да, вот так. – Он издал довольное урчание, когда ее дрожащие пальцы проšliсь по его волосам, затылку и плечам.

Он скользнул ниже, и Эви поняла, что его лицо находится на уровне треугольника ярко-рыжих завитков внизу ее живота. Смущенная, она попыталась прикрыться рукой.

– Не надо, – прошептал он с улыбкой в голосе. – Чем больше ты таишь от меня, тем больше я этого хочу. Боюсь, ты пробуждаешь во мне самые сладострастные идеи. Так что лучше убери руку, дорогая, пока я не придумал что-нибудь действительно шокирующее. – Ее дрожащая рука исчезла. – Молодец, слушайся своего мужа, – вкрадчиво прошептал он, теребя кончиками пальцев мягкие завитки, – особенно в постели. Раздвинь ноги, дорогая. Я хочу коснуться тебя внутри. Ты так прекрасна. Не бойся. Тебе станет легче, если я поцелую тебя там? Не шевелись...

Эви всхлипнула, когда его губы коснулись рыжих завитков. Почувствовав, что его длинные пальцы проникли внутрь, она дернулась от неожиданности, и Сент-Винсент тут же убрал руку.

Нашептывая успокаивающие слова, он снова скользнул пальцем в ее лоно, на этот раз глубже.

– Какая сладостная невинность, – шепнул он, медленно поглаживая ее чувствительную плоть. Эви старалась не шевелиться, но не смогла сдержать стонов. – Что, по-твоему, произойдет, – лениво поинтересовался он, – если я буду продолжать в том же духе?

Их взгляды встретились поверх трепещущей плоскости ее живота. Эви горела как в огне, но он, казалось, ждал ответа, и она, задышавшись, произнесла:

– Не знаю.

– Тогда попробуем узнать, хорошо?

Эви с изумлением наблюдала, как он приник губами к островку рыжих завитков. Сердце ее бешено забилося, и она запрокинула голову, когда его язык начал возбуждающий танец, дразня ее сокровенную плоть. Наслаждение накатывало на нее волнами, пока она не выгнулась под ним и не вскрикнула, содрогаясь с ног до головы.

Она чувствовала себя пьяной от слабости и физического восторга. Не в состоянии управлять своим телом, она не сопротивлялась, когда он перевернул ее на живот. Скользнув рукой между ее бедрами, он снова проник в нее пальцами. К своему стыду, Эви ощутила влагу между ног, но Сент-Винсент, казалось, пришел в восторг, целуя и покусывая ее шею.

Она чувствовала его возбуждение. Со слов Аннабеллы она знала, что происходит с мужским телом во время любовного акта. Но Аннабелла ничего не говорила о сотне других вещей, которые превращали этот физический акт в таинство, преображавшее душу.

Склонившись над ней, Сент-Винсент дразнил и ласкал ее до тех пор, пока ее бедра не пришли в движение, прижимаясь к его руке.

– Я хочу быть в тебе, – прошептал он. – Я буду нежен, любовь моя... позволь мне перевернуть тебя. О боже, как ты прекрасна! – Он перевернул ее на спину. – Коснись меня, дорогая... вот здесь... – Он резко втянул воздух, когда ее пальцы обхватили его затвердевшее естество. Эви нерешительно погладила его, понимая, что это доставляет ему удовольствие. Его глаза закрылись, длинные ресницы подрагивали, он тяжело дышал, со свистом выпуская воздух сквозь полуоткрытые губы.

Неловко сжимая тяжелый ствол, она направила его между бедрами. Головка соскользнула, и Сент-Винсент мучительно застонал. Попытавшись снова, Эви разместила его правильно. Оказавшись в нужной позиции, Сент-Винсент подался вперед, проникнув во влажную пещерку, и Эви напряглась от боли. Обвив ее руками, он сделал мощный рывок, затем другой, пока не оказался полностью внутри. Эви заерзала, пытаясь избавиться от болезненного вторжения, но с каждым движением он, казалось, проникал еще глубже.

Заполненная до отказа, она заставила себя не шевелиться. Впившись ногтями в его плечи, она смотрела в его сверкающие глаза, полуприкрытые отяжелевшими веками. Когда он снова приник к ее губам, она с жадностью приветствовала вторжение его языка. Сент-Винсент издал удивленный возглас и ускорил ритм движений, прежде чем взорваться с хриплым стоном, вырвавшимся из его груди.

Все еще соединенный с нею, он обессиленно лежал, отдавшись во власть ее прикосновений. Пальцы Эви скользили по его груди, поросшей золотистыми волосками, касались шелковистой кожи спины и худощавых бедер. Глаза его изумленно расширились, когда его естество откликнулось на эти робкие прикосновения мощным толчком, заставив затрепетать от нового приступа вожделения.

Приподнявшись, Сент-Винсент жадно прильнул к ее губам. Эви шире раздвинула бедра и крепко обхватила его руками, стараясь, несмотря на боль, принять его как можно глубже. Опираясь на локти, чтобы не раздавить ее своим весом, он склонил голову ей на грудь, обдавая ее горячим дыханием и царапая нежную кожу пробившейся за ночь щетиной. Затем скользнул рукой во влажную поросль волос между ними, и, найдя бугорок, в котором сосредоточилось ее женское начало, принялся умело ласкать его, пока Эви не почувствовала, что ее подхватывает новая волна наслаждения. Ее потаенные мышцы сократились, плотнее обхватив горячую плоть, находившуюся у нее внутри.

Ахнув, Сент-Винсент поднял голову и уставился на нее как на диковинное создание, какого он никогда прежде не видел.

– Великий боже, – прошептал он, однако на его лице отразилась не благодарность, а нечто весьма похожее на тревогу.

Глава 5

Себастьян поднялся с постели и направился к умывальнику, ощущая слабость в ногах. Он пребывал в смятении, словно это он – а не Эванджелина – только что лишился невинности. Давным-давно он решил, что не способен испытать ничего нового. Как выяснилось, он ошибался. Для мужчины, превратившего занятия любовью в смесь филигранной техники и хореографии, явилось полной неожиданностью оказаться во власти собственных страстей. Он настолько обезумел от желания, что не смог совладать со своим телом. Проклятье! С ним никогда не случилось ничего подобного.

Наполнив водой фаянсовую чашу, он окунул в нее чистое льняное полотенце и не спеша отжал. Хотя дыхание его восстановилось, он не испытывал приятной усталости и умиротворения, обычных для подобной ситуации. После того, что произошло, ему следовало бы чувствовать себя более чем удовлетворенным, однако это было не так. Он испытал самое продолжительное, самое сильное и самое мучительное наслаждение в своей жизни... и все же жаждал повторения. Это было безумие. Но почему? Почему с ней?

У Эванджелины были женственные формы, которыми он всегда восхищался, округлые и упругие, с изящными бедрами и длинными ногами. Кожа, гладкая как бархат, была усеяна золотистыми веснушками, словно искрами праздничного фейерверка. Буйная масса рыжих локонов также была неотразимой. Наверное, все эти достоинства могли объяснить, почему его чудесным образом обретенная жена так странно влияла на него.

Ощувив очередную вспышку желания, Себастьян вытерся влажным полотенцем и потянулся за свежим. Смочив его в воде, он вернулся к Эванджелине, которая лежала, свернувшись, на боку. К его облегчению, ничто не указывало, что его ждет поток девичьих слез и жалоб. Она казалась скорее задумчивой, чем огорченной, и не сводила с него пристального взгляда, словно пыталась разгадать какую-то загадку. Несколькими ласковыми словами он убедил ее повернуться на спину и смыл кровь с ее бедер.

Судя по румянцу, залившему ее лицо и тело, ей было нелегко лежать перед ним обнаженной. Себастьян редко встречал женщин, которых смущала бы нагота. Он всегда выбирал опытных прелестниц, предпочитая не связываться с невинными девицами. Не из соображений морали, конечно, а потому, что девственницы, как правило, не отличались изобретательностью в постели.

Склонившись над ней, Себастьян уперся ладонями в матрас, вглядываясь в ее лицо. Эванджелина ответила ему не менее пристальным взглядом. В отличие от большинства женщин она не стремилась заполнить молчание. Что ж, неплохое качество. Он склонился ниже, но, прежде чем коснулся ее губ, тихое урчание нарушило тишину. Это желудок Эванджелины протестовал против пустоты. Покраснев еще больше, что было едва ли возможно, она прижала руки к животу в тщетной попытке заглушить нежелательный звук.

Себастьян усмехнулся и, нагнувшись, быстро чмокнул ее в пупок.

– Я велю подать завтрак, дорогая.

– Эви, – тихо произнесла она, натянув на себя одеяло. – Так меня зовут отец и друзья.

– Пора переходить на «ты»? – Уголок его рта приподнялся в дразнящей улыбке. – Себастьян.

Эви протянула руку и медленно, словно опасаясь спугнуть дикое животное, отвела с его лба светлую прядь.

– Мы ведь теперь муж и жена, – тихо сказала она.

– Да, помоги тебе Бог. – Он слегка нагнул голову, наслаждаясь прикосновением ее пальцев. – Как насчет того, чтобы сегодня же отправиться в Лондон?

Эви кивнула:

– Я хочу видеть отца.

– Тебе придется подумать, как сообщить ему, кто его зять, – сказал Себастьян. – Иначе новости могут доконать беднягу.

Она убрала руку.

– Нужно спешить. Если погода улучшится, возможно, нам удастся добраться быстрее. Я хотела бы сразу же отправиться в клуб отца...

– Мы поедем в Лондон, – спокойно отозвался Себастьян, – но не будем устраивать гонки, как на пути сюда. И проведем хотя бы одну ночь на постоялом дворе. – Эви открыла рот, собираясь возразить, но он продолжил непререкаемым тоном: – Твоему отцу не пойдет на пользу, если ты явишься в его клуб, полуживая от усталости.

Эви нахмурилась. Было ясно, что ей пришлось не по вкусу эта демонстрация супружеской власти. Себастьян постарался смягчить тон:

– Тебе придется нелегко, Эви. Иметь меня в качестве мужа – уже само по себе испытание. Но забота о туберкулезном больном на последней стадии болезни... тебе понадобятся все силы. Незачем истощать их раньше времени.

Она уставилась на него с таким интересом, что ему стало не по себе. Какие удивительные глаза! Словно кто-то пропустил ярчайший солнечный свет через несколько слоев голубого стекла.

– Тебя волнует мое здоровье? – спросила она.

Себастьян одарил ее прохладным взглядом.

– Конечно, дорогая, – отозвался он ироничным тоном. – Я крайне заинтересован в том, чтобы ты была живой и здоровой, пока не получу твое приданое.

Эви вскоре обнаружила, что Себастьян несколько не смутился своей наготы. Она старалась не смотреть на него, когда он слонялся по комнате без клочка ткани на теле, но ее взгляд то и дело устремлялся в его сторону, пока он доставал из чемодана одежду. Он был высоким и худощавым, но с хорошо развитой мускулатурой, свидетельствовавшей о пристрастии к таким джентльменским занятиям, как верховая езда, бокс и фехтование. На его широких плечах и спине перекатывались тугие мышцы. Еще более захватывающим оказался вид спереди, включая грудь, которая была не гладкой, как у бронзовых статуй, а покрытой золотистыми волосками. Эта поросль, как и другие признаки противоположного пола, явилась для Эви откровением.

Не в состоянии заставить себя проследовать через комнату в таком же виде, Эви вернулась в простыню, прежде чем встать с постели. Порывшись в своем саквояже, она вытащила оттуда чистое платье из плотной коричневой шерсти, свежее белье и пару ботинок. Другая пара, в которой она приехала, была такой сырой и грязной, что она содрогнулась при мысли о том, чтобы надеть их. Почувствовав на себе взгляд Себастьяна, она поспешно натянула сорочку.

– Ты очень красивая, Эви, – мягко заметил он.

Воспитанная родственниками, не упускавшими случая высказаться по поводу ее чересчур ярких волос и веснушек, Эви скептически улыбнулась:

– Тетя Флоренс давала мне отбеливающий лосьон, чтобы свести веснушки. Но они не исчезли.

Себастьян лениво улыбнулся. Подойдя ближе, он взял ее за плечи и прошелся оценивающим взглядом по ее полуобнаженному телу.

– Не вздумай избавляться от своих веснушек, дорогая. Я обнаружил несколько в самых интригующих местах. У меня даже появились любимчики... сказать тебе где?

Обезоруженная и смущенная, Эви покачала головой и попыталась вывернуться из его рук. Но Себастьян не позволил. Притянув ее теснее, он склонил золотистую голову и поцеловал ее в шею.

– Трусишка, – шепнул он улыбаясь. – Я все равно скажу. – Сжав в кулаке подол ее сорочки, он медленно приподнял его. У Эви перехватило дыхание, когда его рука оказалась у нее между ног. – Как я успел убедиться ранее, здесь имеется целая россыпь веснушек, которая ведет...

Стук в дверь прервал их, и Себастьян приглушенно выругался.

– Завтрак, – проворчал он. – Думаю, не стоит предлагать тебе выбор между занятиями любовью и горячей едой. Вряд ли ответ польстит моему самолюбию. Одевайся, а я отопру дверь.

Эви поспешно надела платье, и Себастьян открыл дверь, впустив двух горничных с подносами, заставленными едой. При виде красавца мужчины с волосами цвета спелой пшеницы женщины смущенно захихикали. Этому немало способствовал тот факт, что он был не совсем одет, с босыми ногами и распахнутым воротом рубашки. Совершенно очарованные, они едва не опрокинули подносы, прежде чем им удалось накрыть на стол. Заметив смятую постель, горничные пришли в еще большее возбуждение и едва сдерживали восторг, представляя, что здесь творилось ночью. Раздраженная дурацким поведением, Эви выставила их из комнаты и решительно закрыла дверь.

Она взглянула на Себастьяна, чтобы посмотреть, как он отреагировал на столь откровенное восхищение. Но он, казалось, ничего не заметил. Видимо, подобные сцены были для него обычным делом и не заслуживали внимания. Еще бы! Мужчина с его внешностью и положением не мог не пользоваться успехом у прекрасного пола. Эви не сомневалась, что для любящей жены это служило бы постоянным источником мучений. Но она никогда не позволит себе страдать от ревности или жить в страхе перед изменой.

Усадив Эви за стол, Себастьян наполнил ее тарелку. Помимо овсянки, одобренной маслом – шотландцы считали святотатством подслащать ее патокой, – здесь были одобренные булочки, холодная ветчина, копченая рыба и поджаренный хлеб с джемом. Эви жадно поглощала пищу, запивая ее крепким чаем. Эта незамысловатая трапеза не шла ни в какое сравнение с впечатляющими английскими завтраками в гэмпширском поместье лорда Уэстклиффа, но еда была горячей и обильной, а Эви слишком проголодалась, чтобы выискивать недостатки.

Она засиделась за завтраком, пока Себастьян брился и одевался. Бросив кожаный футляр с бритвенными принадлежностями в свой чемодан, он закрыл крышку и обратился к Эви:

- Собери свои вещи, дорогая. Я спущусь вниз и распоряжусь, чтобы приготовили карету.
- Надо бы забрать брачное свидетельство у мистера Макфи...
- Об этом я тоже позабочусь. Запри за мной дверь.

Примерно через час он вернулся с крепким парнишкой, который отнес их вещи в поджидавшую внизу карету. Слабая улыбка коснулась губ Себастьяна, когда он увидел, что Эви воспользовалась одним из его шелковых галстуков, чтобы подвязать волосы на затылке. На пути из Англии она растеряла почти все свои шпильки, а о том, чтобы сунуть в саквояж запасные, не подумала.

– С такой прической ты кажешься слишком юной для замужества, – заметил он. – Это делает наше положение еще более пикантным. И более приятным.

Начиная привыкать к его игривым репликам, Эви одарила его нарочито терпеливым взглядом и последовала за ним из комнаты. Они спустились на первый этаж и распрощались с трактирщиком. Когда они направились к выходу, Финдли радостно крикнул им вслед:

- Желаю вам счастливого пути, леди Сент-Винсент!

Эви была настолько потрясена, осознав, что она теперь виконтесса, что едва сумела вымолвить слова благодарности.

Себастьян проводил ее к ожидающей карете. Лошади нетерпеливо перебирали копытами, выдыхая из ноздрей белые клубы пара.

– Да, – иронически заметил он, подсаживая ее в карету, – титул, хоть и порядком замаранный, теперь твой. Более того, – продолжил он, усаживаясь рядом с ней, – нам предстоит подняться еще выше, ибо я первый в ряду наследников герцогского титула. Однако не стоит рассчитывать, что это случится скоро. Мужчины в нашем роду живут до неприличия долго. Боюсь, мы успеем состариться и будем слишком дряхлыми, чтобы наслаждаться наследством.

– Если ты... – начала Эви и запнулась, увидев на полу кареты нечто вроде большого керамического сосуда с затычкой. Он был круглой формы, но имел одну плоскую сторону, что придавало ему устойчивость. Бросив озадаченный взгляд на Себастьяна, Эви коснулась сосуда кончиком башмака и была вознаграждена волной тепла, хлынувшего ей под юбки. – Грелка для ног! – воскликнула она. Керамическая емкость, наполненная кипятком, гораздо дольше хранила тепло, чем нагретые кирпичи, которыми они пользовались ранее. – Как тебе удалось ее достать?

– Я увидел ее у Макфи и решил купить, – сообщил Себастьян, забавляясь ее простодушным восторгом. – Он был только рад содрать с меня очередной куш.

Порывисто приподнявшись с сиденья, Эви поцеловала его в щеку, которая оказалась гладкой и прохладной.

– Спасибо. Это очень мило с твоей стороны.

Он обхватил ее за талию, не позволив вернуться на место, и одним мощным движением усадил к себе на колени, так что их лица почти соприкасались.

– Полагаю, я заслужил большего.

– За грелку? – усомнилась Эви.

Себастьян ухмыльнулся:

– Должен заметить, дорогая, что эта штукавина рано или поздно остынет и я стану единственным доступным источником тепла. А я не из тех, кто беспорядочно разбрасывается теплом своего тела.

– Слухи говорят об обратном.

Эви обнаружила, что наслаждается этой шутиливой пикировкой. Никогда прежде она не поддразнивала мужчин, отказывая им в том, чего очень хотелось. Судя по блеску в его глазах, Себастьян также получал удовольствие от происходящего.

– Время работает на меня, – сказал он. – Этот чертов горшок долго не протянет.

Он не стал препятствовать, когда она слезла с его колен и расположилась рядом, расправив юбки над керамической грелкой. Карета тронулась и покатила. Откинувшись на сиденье, Эви блаженствовала, ощущая восхитительные потоки тепла, согревавшие ее ноги, проникая сквозь белье и чулки.

– Милорд... то есть Себастьян...

Он устремил на нее вопросительный взгляд:

– Да, дорогая?

– Если твой отец герцог, то почему ты виконт? Разве ты не должен быть маркизом или хотя бы графом?

– Не обязательно. Сейчас модно добавлять менее значимые титулы, когда создается новый. Но, как правило, чем древнее герцогство, тем менее вероятно, что старший сын будет маркизом. Мой отец, разумеется, возвел это в добродетель. Даже не пытайся спорить с ним на эту тему, особенно когда он в подпитии, или тебе придется выслушать длинную лекцию о том, что слово «маркиз» звучит иностранно и женственно, а сам титул не более чем постыдная ступенька в полушаге от герцогства.

– Твой отец, должно быть, очень гордится своим происхождением.

По его губам скользнула горькая улыбка.

– Когда-то я полагал, что все дело в его высокомерии, но постепенно пришел к выводу, что это полное равнодушие ко всему лежащему за пределами его маленького мирка. Насколько мне известно, он не знает, как надеть чулки или окунуть щетку в зубной порошок. Сомневаюсь, что он способен выжить без привилегий. Собственно, я уверен, что он умрет от голода, если слуги не накроют стол, за которым он сидит. Он не задумываясь воспользуется антикварной вазой в качестве мишени для стрельбы или бросит в камин драгоценный мех, чтобы разжечь огонь.

– Неудивительно, что вы обеднели, – сказала Эви в ужасе от подобной расточительности. – Надеюсь, ты не унаследовал эту склонность бросать деньги на ветер.

Себастьян покачал головой:

– Едва ли меня можно обвинить в мотовстве. Я редко играю в карты, не содержу любовницу. И тем не менее кредиторы наступают мне на пятки.

– А ты не думал о том, чтобы приобрести какую-нибудь профессию?

Он бросил на нее удивленный взгляд:

– Зачем?

– Чтобы зарабатывать деньги.

– Боже, нет. Работа существенно ограничит мою личную жизнь. К тому же я редко встаю с постели раньше полудня.

– Вряд ли это понравится моему отцу.

– Я был бы крайне огорчен, если бы цель моей жизни состояла в том, чтобы кому-то нравиться. К счастью, это не так.

Путешествие продолжалось в той же дружелюбной атмосфере, и Эви осознала, что испытывает противоречивые чувства к своему мужу. При всем его обаянии в нем было мало такого, что заслуживало бы уважения. Он явно обладал острым умом, но не собирался использовать его в благих целях. Более того, похитив Лилиан и тем самым предав своего лучшего друга, он доказал, что ему нельзя доверять. Однако... он был способен на добрые поступки, которые она не могла не оценить.

На остановках Себастьян заботился о ее нуждах и следил за тем, чтобы керамическая грелка наполнялась свежим кипятком. Когда Эви устала, он притянул ее к своей груди, удерживая в крепких объятиях, пока карета тряслась и подскакивала на ухабистой дороге. Закрыв глаза, она вдруг поняла, что он дал ей нечто, чего она никогда не имела, – заботу. Его рука нежно провела по ее волосам, а голос ласково прошептал:

– Отдохни, любовь моя. Я присмотрю за тобой.

Глава 6

Хотя Себастьяну не терпелось добраться до Лондона и воспользоваться преимуществами своего нового положения, он не сожалел о решении двигаться медленнее на обратном пути. К вечеру Эви побледнела и почти не разговаривала. Видимо, напряжение последних дней истощило запас ее сил. Она нуждалась в отдыхе.

Выбрав постоялый двор, где они могли провести ночь в относительном комфорте, Себастьян снял лучший номер, заказал ужин и распорядился, чтобы приготовили горячую ванну. Пока он договаривался о смене лошадей и ночлеге для кучера, Эви вымылась в медной лохани, которую доставили прямо в номер. Вернувшись в комнату, которая оказалась небольшой, но опрятной, с голубыми занавесками на окнах, Себастьян увидел, что его жена уже успела принять ванну и облачиться в ночную рубашку.

Он подошел к столу и, приподняв салфетку, покрывавшую его тарелку, обнаружил там порцию жареного цыпленка с тушеными овощами и пудинг. Заметив, что тарелка Эви пуста, он взглянул на нее с ироничной улыбкой:

– Ну и как?

– Лучше, чем вообще остаться без ужина.

– Должен признаться, я недооценивал таланты своего лондонского повара. – Он сел за шаткий стол и расправил на коленях чистую салфетку. – Думаю, тебе понравится его стряпня.

– Вряд ли мне придется часто обедать в твоём доме, – осторожно заметила Эви.

Себастьян удивленно воззрился на нее, не донеся вилку до рта.

– Остановлюсь в клубе отца, – продолжила Эви. – Как уже говорила, я намерена ухаживать за ним.

– Днем – пожалуйста. Но вечером тебе придется возвращаться в мой... в наш дом.

Она ответила ему твердым взглядом.

– Его болезнь не может пройти вечером и возобновиться утром. Он нуждается в постоянном уходе.

Себастьян проглотил еду и раздраженно отозвался:

– Это обязанность слуг. Можешь нанять сиделку, если этого недостаточно.

Эви упрямо покачала головой, приведя его в еще большее раздражение.

– В такие минуты человек особенно нуждается в любящих родственниках.

– Да какое тебе дело, кто и как ухаживает за ним? Что хорошего он сделал для тебя? Ты едва знаешь этого старого ублюдка...

– Мне не нравится это слово.

– Очень жаль. Это одно из моих любимых выражений, и я намерен использовать его, когда сочту нужным.

– В таком случае можно только порадоваться, что мы будем редко встречаться после возвращения в Лондон.

Себастьян свирепо уставился на жену. Кто бы мог подумать, что за этим очаровательным личиком скрывается такой упрямый характер? Впрочем, он уже имел возможность убедиться, что она способна на отчаянные поступки, чтобы добиться своего. Черт знает, что она выкинет, если он будет чересчур давить на нее. Постаравшись расслабиться, Себастьян продолжил трапезу, не чувствуя вкуса. Даже если бы блюда были приправлены изысканным французским соусом, он не заметил бы разницы. Его изобретательный мозг напряженно работал, пытаясь придумать, как переубедить Эванджелину.

Наконец, придав лицу участливое выражение, он вкрадчиво произнес:

– Любовь моя, я не могу допустить, чтобы ты оставалась в доме, где полно мошенников, игроков и пьяниц. Не может быть, чтобы ты не понимала, насколько это опасно.

– Я позабочусь о том, чтобы ты получил мое приданое. А потом можешь не беспокоиться за меня.

Все его хваленое самообладание испарилось, как капли воды на раскаленной плите.

– Проклятье! Дело не в беспокойстве. Просто... это неприлично, Эви. Виконтесса Сент-Винсент не может оставаться в игорном клубе даже пару дней.

– Вот уж не думала, что тебя волнуют приличия. – Почему-то его свирепая гримаса вызвала у нее улыбку. Эта улыбка, хоть и едва заметная, поразила Себастьяна в самое сердце. Будь он проклят, если позволит потешаться над ним двадцатитрехлетней девице – впрочем, теперь уже не девице, – которая настолько наивна, что полагает, будто способна противостоять ему!

Он одарил ее ледяным взглядом, способным заморозить и более достойного противника.

– А ты подумала, дорогая, вообразив себя ангелом милосердия, кто защитит тебя в этом притоне? Ночевать там одной, без мужа равносильно тому, чтобы напрашиваться на изнасилование. А у меня есть более приятные занятия, чем торчать во второразрядном игорном заведении в ожидании, пока старый Дженнер изволит преставиться.

– Никто и не просил тебя об этом, – отозвалась Эви ровным тоном. – Я прекрасно справлюсь без тебя.

– Представляю, – саркастически уронил Себастьян, внезапно потеряв интерес к остывшей пище, стоявшей перед ним. Бросив салфетку на недоеденный ужин, он поднялся из-за стола и стянул с плеч сюртук. Он чувствовал себя грязным и усталым и собирался воспользоваться медной лоханью. Если повезет, вода еще не остыла.

Раздеваясь, он сердито швырял свои вещи на стул и размышлял о женщинах, которые годами мечтали выйти за него замуж. Красивые и обеспеченные, они готовы были на все, кроме убийства, лишь бы довести его до алтаря. Но он был слишком занят погоней за наслаждениями, чтобы отнестись серьезно к их авансам. И вот чем он кончил, загнанный в угол обстоятельствами и хроническим невезением! Женился на девице, не имеющей понятия о светских приличиях, с сомнительным происхождением и ослиным упрямством.

Заметив, что Эви отвела взгляд от его обнаженного тела, Себастьян криво ухмыльнулся. Подойдя к лохани, он уселся в чуть теплую воду, но его торс и длинные ноги остались снаружи. Он не спеша вымылся, поливая намыленную грудь и плечи горстями воды и наблюдая за женой сощуренными глазами. К его удовольствию, Эви с трудом сохраняла невозмутимый вид. С пылающим лицом она с преувеличенным интересом рассматривала стеганое покрывало на постели, обводя узор пальцем.

Внимание Себастьяна привлекло сияние золотого кольца, которое всучил ему пройдоха кузнец. Глядя на него, он испытал странное чувство – почти неодолимое желание бросить Эви на постель и овладеть ею без всякой преамбулы. Может, это заставит ее признать, что она теперь его собственность. Для цивилизованного человека – каким он всегда себя считал – эта вспышка примитивной похоти была тревожным сигналом. Расстроенный и возбужденный, он закончил мытье и, схватив влажное полотенце, которым ранее воспользовалась Эви, энергично вытерся. Его возбуждение не осталось незамеченным – он слышал, как Эви резко втянула в грудь воздух, когда он вылез из лохани. Небрежно обернув бедра полотенцем, он закрепил конец на талии и направился к своему чемодану.

Порывшись внутри, он извлек расческу и, подойдя к зеркалу, стоявшему на умывальнике, принялся безжалостно расчесывать мокрые волосы. В зеркале отражалась постель, и он мог видеть Эви, наблюдавшую за ним.

Не оборачиваясь, Себастьян поинтересовался:

– Меня сегодня ждет участь собаки мясника?

– Собаки мясника?

– Ну да, собаки, которая лежит в углу лавки и облизывается, глядя на кусок мяса, который ей не позволено трогать.

– Едва ли подобное сравнение можно считать лестным для любого из нас.

Себастьян на секунду прервал свое занятие, отметив, что ее заикание вернулось. Отлично. Она совсем не так невозмутима, как пытается изобразить.

– Так каков будет ответ?

– П-прости, но я предпочла бы не иметь с тобой интимных отношений.

Ошеломленный и задетый, Себастьян положил расческу и повернулся к ней лицом. Женщины еще никогда не отказывали ему. И тот факт, что Эви оказалась способной на это после наслаждения, которое они испытали сегодня утром, выходил за рамки его понимания.

– Ты же сам говорил, что тебе не нравится спать с одной и той же женщиной более одного раза, – напомнила она извиняющимся тоном. – Ты сказал, что это невыносимо скучно.

– По-твоему, у меня скучающий вид? – осведомился Себастьян, бросив красноречивый взгляд на свое возбужденное естество, едва прикрытое полотенцем.

– Полагаю, это зависит от того, куда смотреть, – буркнула Эви, потупив взгляд. – Я вынуждена напомнить вам, милорд, что мы заключили соглашение.

– Мы вправе передумать.

– Я не передумаю.

– От твоего отказа за версту разит лицемерием. Я уже обладал тобой однажды. Вряд ли твоя добродетель пострадает, если мы сделаем это снова.

– Дело не в добродетели. – Она овладела собой и перестала заикаться. – Я отказываю тебе совершенно по другой причине.

– Мне не терпится услышать ее.

– Из соображений самозащиты. – С видимым усилием она подняла на него взгляд. – Я не возражаю против твоих амурных походов, но не хочу быть одной из твоих любовниц. Для тебя сексуальные отношения – всего лишь игра. Я отношусь к этому иначе и не хочу, чтобы ты ранил мои чувства, а это неизбежно произойдет, если я соглашусь спать с тобой.

Себастьян постарался сохранить спокойствие, хотя внутри у него все кипело от смеси вожделения и досады.

– Я не собираюсь извиняться за свое прошлое. Мужчина просто обязан иметь некоторый опыт.

– Судя по тому, что я слышала, твоего опыта хватило бы на десятерых.

– Почему это тебя так волнует?

– Потому что... ты напоминаешь мне кобеля, который рыщет по всем подворотням, выпрашивая объедки. Я не хочу быть очередной подворотней. Вся твоя жизнь доказывает, что ты не способен хранить верность одной женщине.

– То, что я не пытался этого делать, еще не значит, что я не способен на это. Я просто не хотел. И я не нуждаюсь в нравоучениях такой чопорной сучки, как ты.

При слове «сучка» Эви напряглась.

– Я попросила бы тебя не употреблять бранных выражений.

– Вполне подходящее выражение, если речь пошла о кобелях, – огрызнулся Себастьян. – Кстати, в моем случае это сравнение совершенно неуместно. К твоему сведению, это женщины гонятся за мной, а не наоборот.

– Тогда можешь отправляться к одной из них.

– О, я так и сделаю, – свирепо отозвался он. – Когда мы вернемся в Лондон, я пушусь во все тяжкие и не успокоюсь, пока очередная оргия не закончится арестом всех участников. Но пока... неужели ты действительно полагаешь, что мы сможем спать в одной постели, целомудренные, как парочка монашек на каникулах?

– Для меня это не составит труда, – заявила Эви, сознавая, что наносит ему смертельное оскорбление.

В его взгляде полыхнул такой огонь, что она бы не удивилась, если бы он воспламенил постельное белье. Пробормотав длинное ругательство, значительно расширившее ее познания в богохульстве, Себастьян уронил полотенце и шагнул к лампе, чтобы потушить ее. Перехватив смущенный взгляд Эви, устремленный на его возбужденное естество, он криво усмехнулся.

– Не обращай внимания, – буркнул он, забравшись в постель. – У меня есть все основания ожидать, что отныне твоя близость будет действовать на мои интимные органы как продолжительное купание в сибирском озере.

Глава 7

Дожди наконец прекратились, и погода заметно улучшилась. Однако потепление за стенками кареты не устранило холодок, установившийся между новобрачными. Хотя Себастьян продолжал следить за тем, чтобы керамическая грелка оставалась теплой, больше не предлагал Эви уютно свернуться в его объятиях или подремать у него на груди. Чем больше она узнавала его, тем больше убеждалась, что близость между ними приведет к катастрофе. Себастьян был опасен для нее во многих отношениях, о которых он даже не догадывался.

Эви утешала себя мыслью, что по прибытии в Лондон они расстанутся. Она остановится в клубе, а он вернется к себе домой, к привычным занятиям, пока не получит известие о смерти отца. К тому времени он, наверное, продаст клуб и воспользуется вырученными деньгами и остатками ее наследства, чтобы пополнить оскудевшие семейные закрома.

Мысль о продаже клуба, который был всем для ее отца, опечалила Эви. Хотя, конечно, это самое разумное решение. Не каждому дано успешно управлять игорным бизнесом. Владелец клуба должен обладать определенным магнетизмом, чтобы завлечь людей в свое заведение, и знанием человеческой натуры, чтобы найти способы заставить их расстаться с деньгами, не говоря уже о деловом чутье, без которого невозможно выгодно вложить полученную прибыль.

Если первыми двумя качествами Айво Дженнер все же обладал, хоть и умеренно, то третьего был начисто лишен. Несколько лет назад он потерял целое состояние в Ньюмаркете, поддавшись на старости лет на уговоры сладкоречивых мошенников, каких полно в мире скачек. К счастью, клуб приносил столько денег, что он смог легко возместить даже такую крупную потерю.

Ядовитая реплика Себастьяна, назвавшего клуб Дженнера второразрядным заведением, была верна лишь отчасти. Со слов отца Эви знала, что клуб при всей его доходности так и не достиг высот, к которым стремился Айво Дженнер. Ему хотелось сравняться со знаменитым клубом Крейвена, который сгорел дотла много лет назад. Однако у Дженнера не было ни таланта, ни дьявольского обаяния Дерека Крейвена. Поговаривали, будто Крейвен выиграл деньги целого поколения англичан. А тот факт, что он ушел со сцены в зените своей славы, окончательно сделал его легендарной фигурой в глазах светского общества.

И если Дженнеру было далеко до Крейвена, то отнюдь не из-за недостатка стараний. Он начал с того, что перенес свой клуб с Ковент-Гарден на Кинг-стрит. В те времена это был ничем не примечательный проезд, ведущий в престижный район, где располагались модные лавки и роскошные резиденции. Выкупив большую часть улицы, Дженнер построил несколько домов, включая внушительное здание для клуба, и объявил о самых высоких ставках в Лондоне. В результате все, кто хотел играть по-крупному, шли к Дженнеру.

У Эви сохранились детские воспоминания о посещениях клуба. Это было роскошно отделанное, хотя и чересчур помпезное место, и ей нравилось стоять рядом с отцом на галерее, наблюдая за кипевшей внизу жизнью. Дженнер водил дочь на Сент-Джеймс-стрит, где, снисходительно улыбаясь, следовал за ней во все лавки, которые ей хотелось посетить. Они заходили к парфюмеру и шляпнице, в книжный магазин и в кондитерскую, где он покупал ей свежее испеченные булочки, еще теплые, с подтаявшей белой глазурью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.